

Брянская областная научная универсальная библиотека
им. Ф.И. Тютчева

БОЛЬШОЙ
ПАМЯТЬ

**Материалы
краеведческих чтений**

28 февраля 2006 г.

Брянск
2006
3

ББК 63.3(2)6-4
Б79

Редакционная коллегия:
Кукатова Г.И., ответственный за выпуск
Щедрова В.Е. – компьютерная верстка

«Боль и память» : Матер. краевед. чтений. : 28 февраля 2006 г. /
Брян.
Б79 обл. науч. универс. б-ка им. Ф.И. Тютчева. - Брянск, 2005. - 116 с.

ББК 63.3(2)6-4

Доклады воспроизводятся с полным сохранением содержания, предоставленного авторами текста.

© Брянская областная научная универсальная библиотека им. Ф.И. Тютчева,
2006

М.В. Брянцев,
*д.и.н., профессор Брянского государственного
университета им. акад. И. Г. Петровского*

Карательная деятельность местных органов ВЧК (1917-1922 гг.)

22 марта 1918 г. вышло Постановление ВЧК о создании местных ЧК, на которые были возложены задачи «производства всех арестов, обысков, реквизиций, конфискации и проч., связанных с поименованными преступлениями...»¹. Однако решающим моментом стала I Всероссийская конференция работников ВЧК, состоявшаяся 11-14 июня 1918 г. ЧК организовывались местными Советами и входили в структуру их исполкомов. Но курс большевиков на переход властных полномочий от местных Советов к партийным и чрезвычайным органам, а также проведение политики красного террора позволили ЧК занять положение, независимое от местных Советов и их исполкомов. Местные органы ЧК имели определенную автономию.

Это вызвало определенное недовольство среди самых разных государственных органов. Уже в августе 1918 г. после 5 съезда членов губернских исполкомов, разгорелась дискуссия о ВЧК, о подчинении ее органов на местах. Конец этой дискуссии положило появление Положения ВЦИК о Всероссийской и местных Чрезвычайных комиссиях от 28 октября 1918 г., которое привело к компромиссу между местными органами власти и чрезвычайными комиссиями. Положение определило, что ВЧК является центральным учреждением, находящимся в подчинении СНК, руководит деятельностью местных ЧК и работает в тесном контакте с НКВД и НКЮ. Здесь провозглашался принцип двойного подчинения местных ЧК: по вертикали - ВЧК, а по горизонтали - исполкомам Советов. В нем содержался пункт и о

¹ Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии 1917-1921 гг. : сб. документов. - М., 1958. - С.103.

контроле и учете войск ВЧК Реввоенсоветом Республики (РВСР)¹.

Однако реальное положение дел было не таким безоблачным: на местах довольно часто возникали противоречия между ЧК и местными органами власти, куда обращалось населения для защиты своих прав. Их жалобы направлялись в исполкомы местных советов. Так, 30 декабря 1918 г. в исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Брянска обратился житель города И.Г. Иванов, с просьбой освободить его отца, находящегося в работном доме в течение трех месяцев². 28 января 1919 г. Брянский уездный Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, Исполнительный комитет, Президиум Исполкома «рассмотрев заявление и дело об аресте тов. Шуранова, констатирует всю нелепость обвинений тов Шуранову и объявляет Чрезвычайной Комиссии выговор с требованием серьезного отношения к делу»³. Как видно из приведенных фактов дискуссия 1918 г. закончилась только на бумаге. Местные власти обращались к центральной с просьбами определить не только функции, но и место органов ЧК.

Безусловно, центр должен был реагировать и объяснять. Так, 18 января 1919 г. в Брянске была получена телеграмма следующего содержания: «Согласно новой инструкции ОЧК никто не вправе производить арестов командного состава без предупреждения и предъявления обвинения высшему командному составу и военкома на все такие бесчинства кем бы они не творились как красноармейская часть немедленно донесите ближайшему военкому который должен предотвратить это безобразие точка Кроме того мне неоднократно доносили, что охрана в Брянске не на высоте своего положения точка Приказываю ввести надлежащий революционный порядок и полную сознательную дисциплину о выполнении донесите 943 Начобдоррес.

¹ Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии 1917-1921 гг. : сб. документов. - М., 1958. - С. 203 - 204.

² ГАБО. Ф. Р.-1616. Оп.1.Д.171. - Л.2.

³ ГАБО. Ф. Р.-1616. Оп.1.Д.171. - Л.17.

Ефимов»¹. Очевидно, что такие предостережения из столицы не имели действия. Так, в апреле 1919 г. граждане с. Верхне-Бородовицына просили Брянский уездный исполком освободить секретаря сельского совета Кузьмина Петра, арестованного Брянской ЧК, «так как не знаем за ним никаких гражданских или политических преступлений. Гражданин Кузьмин против Рабоче-Крестьянского Правительства Народных Комиссаров и Советской власти никогда не выступал, напротив, сам служил народу в должности секретаря Сельского Совета работая на пользу народа по укреплению порядка и строя. На службе обществу Кузьмин был честным работником и не замечен ни в чем предосудительном.

Посему мы постановляем ходатайствовать об освобождении нашего гражданина Кузьмина, считая его неповинным ни в каких преступлениях ни по должности, ни перед властью и народом»². Очевидно, что такие действия местных органов ЧК не только вызывали недовольство населения, но и негативно влияли на работу органов власти, порой, парализуя их. Думается, что в этом проявлялась болезнь роста: с одной стороны, местные органы стремились к всевластию, а, с другой, - стремление местных органов ВЧК быть абсолютно самостоятельными. Тем более что руководство ВЧК выступило категорически против включения местных ЧК в состав отделов управления исполкомов, издав в конце 1918 г. ряд распоряжений, в соответствии с которым местные ЧК должны были быть полностью автономными, отчитываясь о своей работе только перед исполкомом. Все дела, по которым закончено следствие, ликвидировались самими чекистами, а в отношении остальных дел они должны лишь согласовывать с органами НКЮ порядок их передачи в другие инстанции. За НКЮ и НКВД признавалось право контроля над ЧК, но без вмешательства в деятельность. Подчеркивалось, что в проведении обысков, арестов, расстрелов ЧК дей-

¹ ГАБО. Ф. Р.-1616. Оп.1.Д.171. - Л.14.

² ГАБО. Ф. Р.-1616. Оп.1.Д.171. - Л.142 об.

ствует совершенно самостоятельно, только постфактум отчитываясь перед СКН и ВЦИК¹.

Однако даже такие ограничения вызывали протесты со стороны органов ЧК. Они явно были недовольны контролем со стороны и искали разные возможности для расширения своего влияния. Так, 17 июля 1919 г. Председатель Брянской ЧК Лысенко направил обращение в Брянский ревтрибунал: «На будущее время, Брянская Чрезвычайная комиссия просит присылать ей копии резолютивной части приговоров по делам, поступающим из ЧК.

Эта просьба вызывается тем обстоятельством что нередко случаи несогласия Трибунала со взглядом ЧК на дело, при постановлении приговора»². Чекисты не соглашались с принимаемыми трибуналом решениями. Очевидной была борьба между ведомствами.

На непростые отношения населения с местными ЧК указывает анализ работы, сделанный самими брянскими чекистами в 1920 г. «Многие шептуны и враги, провокаторы советской власти тоже провоцирующие темные массы, всячески чернят органы ВЧК, яко бы состав ЧК из бандитов, ЧК издевается над людьми, якобы там работают люди, которые являются в человеческом обществе деспотами.

Товарищи, дикая провокация очень выгодна нашим врагам и все это делается с определенной целью, разрушить работу ЧК, работу рабочих и крестьян тем самым дать возможность продолжать свою Каинову работу безопасно и безнаказанно, ибо враги знают хорошо, что только ВЧК и ее органы Губчека могут разрушить и разрушали работу контрреволюционеров. Об этом свидетельствует ряд заговоров открытых, как в тылу, так и на фронте», - отмечалось в докладе.

Докладчик заключал: «Рабочий, крестьянин, красноармеец, должен помнить, что только ВЧК, ОБЧК и его органы могли не раз потушить контрреволюционные пожары и заговоры внутри

¹ См.: Новоселов, Д.С. Кризис ВЧК в конце 1918 - начале 1919 годов / Д.С. Новоселов // Отеч. история. - 2005. - №6. - С. 67.

² ГАБО. Ф.Р.-594. Оп.2. Д.465. - Л.362.

и безусловно должны с такой интенсивностью и общей поддержке масс удержать завоевание, добытое кровью в Октябрьской революции. Нужно знать, что победит кто сильнее и прочней закрепит завоевание. Пролетариат обнажив меч пошел открыто в бой со своими классовыми вековыми врагами душителями и этот подвиг должен быть доведен до конца»¹. Таким образом, очевидно, что работники ЧК сами осознавали сложность своего положения и пытались объяснить недовольство населения, но при анализе этих отношений они исходили из привычной революционной фразы о темных массах и классовых врагах.

Анализ конкретных дел, исчисляющихся в архиве Брянской области сотнями, показывает, что деятельность местных органов ЧК не носила целенаправленный карательный характер. Обращает на себя внимание тот факт, что многие дела, переданные в УЧК, как правило, заканчивались или мягким наказанием, или же вовсе прекращались, а другие передавались по подсудности в народные суды. Так, согласно протоколам заседания Брянского ЧК в январе 1919 г. по делу №72 «по обвинению гражданина С.К. Рубашевского в контрреволюции» было постановлено: «Дело прекратить и сдать в архив». Аналогично было решено «Дело №9 по обвинению гражданина Коростелева Николая Ивановича в контрреволюционных деяниях». По другим двум делам С. Кленкова и О.А. Иванова, которые обвинялись в агитации против советской власти, было принято решение: «Подвергнуть аресту сроком на две недели с зачетом просиженного» и «Подвергнуть аресту сроком на две (2) недели с зачетом просиженного»² соответственно. И только «Дело №42 по обвинению гражд. Андрея Ивановича Редькина в провокаторстве и контрреволюции» было передано: «Губчрезвычайному с просьбой выслать гр. Редькина из пределов РСФСР как врага народа или же осудить минимум на пять лет арестом при Работном доме»³.

¹ ГАБО. Ф. Р.-338. Оп.1. Д.12. - Л.142.

² ГАБО. Ф. Р.-1616. Оп.1 Д.171. - Л.31.

³ ГАБО. Ф. Р.-1616. Оп.1 Д.171. - Л.29.

Несомненно, что центральные органы власти не могли проводить строго репрессивную политику в отношении местного населения, представленного, в массе своей, рабочими, крестьянами, красноармейцами. Им приходилось не только вмешиваться в деятельность местных органов. Много приходилось разяснять и не только с целью направления деятельности ЧК в нужное русло, но, и ради снижения накала страстей на местах, особенно в районах, которые находились в прифронтной полосе. Важно было недовольство, возникшее на почве деятельности некоторых конкретных лиц и отдельных местных органов власти, отделить от собственно контрреволюционных выступлений, угрожающих основам Советской власти. Не случайно 25 апреля 1919 г. ВЦИК принял инструкцию, разясняющую сущность контрреволюционных преступлений. Все другие преступления даже массового характера не должны рассматриваться как контрреволюционные. Важно было отмечать, что

«1. Эти выступления носили массовый неорганизованный характер.

2. Сопровождались участием в них местного населения.

3. Или хотя и носили организованный характер, но сопровождалось участием в них местного населения насильно наталкиваемые таковые белогвардейским или контрреволюционными элементами». Здесь же предлагалось:

«1. Немедленно освободить из под стражи с полным прекращением дел о них не привлеченных к следствию и суду рабочих и крестьян относительно которых не может быть признано по данным следствия доказанной их деятельности в качестве организаторов, защитников или главарей движения.

2. Пересмотреть списки осужденных за участие, организацию или подготовку таковых же контрреволюционных выступлений с тем чтобы освободить от наказания тех из осужденных рабочих крестьян, в отношении которых Трибуналами не была признана виновность в качестве организаторов зачинщиков или главарей движения.

3. Пересмотр списков как осужденных, так и списков привлеченных к следствию по делам которые еще не дошли до су-

дебного разбирательства закончить в течение двух недель со дня получения на местах настоящего извещения.

Председатель ВЦИК М. Калинин, Секретарь ВЦИК В. Аванесов»¹.

Очевидно, что эта инструкция не только объясняла суть контрреволюционных преступлений, выделяя в них, прежде всего, классовую сущность, но и направляла деятельность местных ЧК в нужное русло, заставляя их действовать весьма осмотрительно и мягко. Так, Суражская Чрезвычайная Пограничная комиссия признала необходимым против обвиненного в контрреволюции А.М. Петроченко «в белогвардейских выступлениях весной 1918 г. в г. Сураже против Советской власти и принимая во внимание, что выступление совершено до амнистии 2-й Октябрьской революции»² протоколом от 23 февраля 1920 г. дело прекратить.

10 октября 1919 г. в Суражской УЧК был допрошен Г.В. Бороздна (коллежский асессор), обвиняемый в контрреволюционной деятельности и служивший в Клинцах «при немцах и гайдамаках»³, и 15 октября помещенный под стражу при уездной милиции. Дополнительные допросы свидетелей показали, что жители Суража относятся к обвиняемому негативно: некоторые обвиняли его в том, что «он со своими соседями живет плохо, часто судился даже по мелким соседским вопросам», другие сообщали, что Бороздна, как и его семья, говорили, что «придет Деникин, он со всеми вами рассчитается». Советских служащих он называет «комарами»⁴. Общественное мнение утверждало, что сосед он плохой, «а особенно его мать и сестра; они также всегда угрожали чем то страшным, какой то расправой»⁵. Очевидно, что и бывший статус Борозданы, и характеристики населения были далеко не в пользу обвиняемого, и, казалось бы, исход дела был предрешен не в его пользу, но УЧК все эти аргументы не приняла на веру и уже 27 октября 1919 г. следователь

¹ ГАБО. Ф.Р.-1616. Оп.1.Д.171. - Л.185.

² ГАБО. Ф.Р.-1781. Оп.1.Д.16. - Л.17.

³ ГАБО. Ф.Р.-1781. Оп.1.Д.33. - Л.9.

⁴ ГАБО. Ф.Р.-1781. Оп.1.Д.33. - Л.12 об.

⁵ ГАБО. Ф.Р.-1781. Оп.1.Д.33. - Л.13.

Суражской ЧК заключил, что «вполне допустима пристрастность со стороны дававших показаний¹».

Кроме того, он признал, что «Не установлено также показаниями свидетелей фактов враждебных действий со стороны обвиняемого по отношению к Советской власти, единственно только что обвиняемый обрисовывается или как человек не сочувствующий существующим порядкам и Советской власти. В найденной же брошюре «долой г.г. евреев не жидов» ничего погромного не усматриваю, в ней автор лишь высказывает свой крайне правый взгляд по еврейскому вопросу, ссылаясь на Талмуд и Св. Писание, нападая лишь на имущий класс и отнюдь не призывая к погромам. В общем ничего контрреволюционного в действиях обвиняемого не нахожу, единственно лишь усматриваю несочувственное отношение его к Советской власти»². Именно за не сочувственное отношение к Советской власти Г.В. Бороздна был 28 октября 1919 г. подвергнут заключению для общественных работ на три месяца с конфискацией денег и вещей³. Но уже 11 декабря 1919 г. был освобожден по амнистии⁴.

Смертная казнь была заменена пятилетним сроком лишения свободы и для жителя г. Брянска М.Н. Земцова, приговоренного в октябре 1920 г. к смертной казни за службу у белых⁵.

Примечательно мягко подошли работники Брянской ЧК к анархистам, участвовавшим в восстании против Советской власти 31 Августа 1918 г. На подавление ушло несколько дней. Анархисты после перестрелки были арестованы в количестве 53-х человек, среди них оказалось 17 человек 17-ти летних, которые тут же были выпущены. Были освобождены и многие другие. Только группа в 6 человек была арестована и отдана суду Ревтрибунала, как инициаторы⁶.

Аналогично поступили и с солдатами 34 и 35 полков, восставшими в марте 1919 г. в поселке Льговский. Восстание с по-

¹ ГАБО. Ф.Р.-1781. Оп.1.Д.33. - Л.15.

² ГАБО. Ф.Р.-1781. Оп.1.Д.33. - Л.15.

³ ГАБО. Ф.Р.-1781. Оп.1.Д.33. - Л.16.

⁴ ГАБО. Ф.Р.-1781. Оп.1.Д.33. - Л.17.

⁵ ГАБО. Ф.Р.-594. Оп.1. Д.1590. - Л.19 об.

⁶ ГАБО. Ф.Р.-338. Оп.1. Д.12. - Л.141-141 об.

мощью местных коммунистических сил, отряда ВЧК, курсантов Орла, Калуги и др. было ликвидировано. Арестовали до трехсот человек, большинство которых по выяснению было освобождено. Сорок человек были переданы суду Ревтрибунала Брянска, которые в большинстве оправданы, а часть была отправлена на фронт. Шесть человек главных зачинщиков, в числе которых были офицеры отправлены в Орел в распоряжение Орловской Губчека¹.

Удивительно, но 3 декабря 1921 г., следователь Брянского Губревтрибунала Ковальский, давая заключение по делу о восстании в марте 1919 г. крестьян Литовинской волости Севского уезда, отмечал, что действия крестьян не подходят под понятие «мятежа, или открытого восстания против Сов. Власти, а должно рассматриваться как смута и участие в скопищах поставивших себе преступные цели»². Он замечал, что по отношению к участникам событий должна быть применена амнистия 7 ноября 1919 года и предлагал освободить из-под стражи руководителя мартовских событий - К.В. Пунина³.

Очевидно, что при рассмотрении дел о контрреволюции следователи ЧК учитывали разного рода обстоятельства, стремились действовать весьма аккуратно, не возбуждая население понапрасну. Так, в начале 1920 г. Суражская уездная ЧК разби-рала дело по обвинению сотрудника Клинцовской почтово-телеграфной конторы П.Г. Юша в сообщении в письме сведений контрреволюционного характера. В заключении следователя Суражской УЧК от 17 февраля 1920 г. говорилось, что в письме «проглядывало иронизирование Советской власти, но Юш сделал это под впечатлением крайне бедного материального состояния и ни в коем случае не с целью нанести вред Советской республике. Петра Юша отношу к бедному трудящемуся обывателю, не способному здраво разбираться в политических вопросах»⁴. В итоге было решено: «принимая во внимание социальное

¹ ГАБО. Ф.Р.-338. Оп.1. Д.12. - Л.141 об.

² ГАБО. Ф.Р.-594. Оп.1. Д.1949. - Л.672.

³ ГАБО. Ф.Р.-594. Оп.1. Д.1949. - Л.672 об.

⁴ ГАБО. Ф.Р.-1781. Оп.1. Д.50. - Л.10.

положение Юша... наказанию не подвергать и дело прекратить»¹.

Весьма часто ЧК, рассматривая то или иное дело по обвинению в контрреволюции, определяли свою компетенцию и отправляли их в народные суды. Это свидетельство того, что они вовсе не стремились к тотальному контролю и внесудебной расправе. Примечательно в этом отношении уголовное дело народного суда 1 участка Почепского уезда по обвинению гражданки Ю.Е. Спасевич в намерении к подстрекательству и агитации войсковых частей против сотрудника ЧК во время исполнения им служебных обязанностей. 19 октября 1919 г. это дело рассматривалось коллегией УТЧК и было передано в Народный суд г. Почеп², т.е. местные чекисты признали дело не подлежащим их компетенции. 6 марта 1920 г. «Народный суд выслушав доклад дела и находя что в деле не имеется никаких доказательств возводимых³ обвинения против обвиняемой Спасевич Постановил: за отсутствием состава обвинения по делу, настоящее дело производством прекратить»⁴. В декабре 1918 г. прекращено было и дело по поводу выступления жителей д. Макарзны Трубчевского уезда против местного комбеда⁵.

Сложнее было отношение карательных органов Советской власти к идеологическим и классовым противникам. Вероятно под впечатлением левоэсеровского мятежа летом 1918 г. возникло дело в Трубчевской уездной ЧК по обвинению Ф.А. Ковалева, обвиняемого «в саботаже и контрреволюции»⁶. Житель села Суземка Ковалев, не желая избираться в суземский волостной исполком, объявил себя членом партии с-д. (меньшевиков). В результате расследования 2 ноября 1918 г. Трубчевская УЧК признала дело доказанным и постановила: «дело передать в Брянский Революционный Трибунал для привлечения Ковалева

¹ ГАБО. Ф.Р.-1781. Оп.1.Д.50. - Л.11.

² ГАБО. Ф.Р.-610. Оп.1. Д.47. - Л.2.

³ ГАБО. Ф.Р.-610. Оп.1. Д.47. - Л.16.

⁴ ГАБО. Ф.Р.-610. Оп.1. Д.47. - Л.16 об.

⁵ ГАБО. Ф.Р.-1998. Оп.1. Д.8. - Л.8.

⁶ ГАБО. Ф.Р.-1998. Оп.1. Д.7. - Л.3.

к ответственности за саботаж»¹. Следователь-докладчик Брянского Ревтрибунала 4 октября 1920 г. постановил: «Приняв во внимание, что настоящее дело является копией дела препровожденного в другое следственное установление на рассмотрение полагал бы: настоящее дело производством прекратить как ошибочно внесенное в настоящий реестр»².

О непримиримости по отношению к классовым врагам говорит и секретное постановление Суражской ЧПК. 18 сентября 1918 г. Суражская ЧПК «принимая во внимание, что в недалеком будущем предвидится очищение Немецко-Гайдамацкими властями оккупированной [территории, где] в настоящее время находятся все буржуазные и контрреволюционные элементы уезда и возможности при своем уходе проявления жестоких расправ с пролетариатом и беднейшим крестьянством, чему могут способствовать, оставшиеся в г. Сураже их семьи и другие отдельные личности контрреволюционного направления, а почему и на основании постановлений 5-го Всероссийского Съезда Советов и закрытого совещания представителей Чрезвычайных Пограничных Комиссий от 3 го сего сентября о красном терроре Комиссия постановила: Немедленно произвести аресты всех буржуев и помещиков как заложников или замеченных в контрреволюционности впредь до выяснения фактов участия или способничества таковым»³.

В исполнение этого постановления в тот же день в Сураже были арестованы 35 человек, из которых 14 были освобождены сразу же, но им было запрещено покидать пределы уезда, так как они находились под надзором⁴.

В отношении конкретных лиц чрезвычайная комиссия весьма скрупулезно вникала в суть дела и учитывала самые разные обстоятельства. Так, 26 сентября 1918 г. Постановлением Суражской ЧПК была арестована в качестве заложницы за своего мужа О.Д. Исаева, но вскоре была освобождена так как она

¹ ГАБО. Ф.Р.-1998. Оп.1. Д.7. - Л.11.

² ГАБО. Ф.Р.-1998. Оп.1.Д.23. - Л.2.

³ ГАБО. Ф.Р.-1781. Оп.1. Д.14. - Л.2.

⁴ ГАБО. Ф.Р.-1781. Оп.1. Д.14. - Л.3-5.

«с мужем своим порвала всякую связь со времени его отъезда на Украину и кроме того подала ходатайство о бракоразводе ее с мужем Исаевым»¹.

По этой же причине была арестована, а затем отпущена А.П. Денисова².

За арестованного С.К. Хлопкова просили его односельчане, жители местечка Душатино, которые на своем сельском сходе приняли приговор 17 сентября 1918 г. Они писали, что Хлопков «был честным человеком и не был замечен ни в каких преступлениях, как уголовных делах, так и политических, а также признавал и подчинялся всем политическим властям». Просили отпустить его из тюрьмы, «как безвредного человека в обществе»³, что и было осуществлено 5 октября 1918 г.⁴ 15 октября был освобожден и фельдшер Е.П. Лакузо⁵, арестованный в качестве заложника.

Чуть жестче обошлись чекисты осенью 1919 г. с германским подданным К. Юстом, проживавшим в п. Клинцы и обвиненным «в расклеивании плакатов и воззваний Советской власти в клозете с контрреволюционными намерениями». Выяснилось, что плакаты расклеила 12-летняя дочь. Тем не менее, следователь вынес постановление в отношении отца и сына Юст: «находя обвинение доказанным собственным их признанием постановил: до окончания настоящего дела содержать Карла и Александра Юста под стражей при уездной милиции предъявив им обвинение в сознательном расклеивании в отхожем месте плакатов и воззваний Советской власти и в контрреволюции. О чем и объявить»⁶.

В этот же день было сделано и заключение следователя, который отмечал, что «Карл и Александр Юст представители не трудового населения, а торгового класса, каковой вообще отличается враждебным отношением к Советской власти, предлагаю

¹ ГАБО. Ф.Р.-1781. Оп.1. Д.14. - Л.18.

² ГАБО. Ф.Р.-1781. Оп.1. Д.14. - Л.23.

³ ГАБО. Ф.Р.-1781. Оп.1. Д.14. - Л.43.

⁴ ГАБО. Ф.Р.-1781. Оп.1. Д.14. - Л.48.

⁵ ГАБО. Ф.Р.-1781. Оп.1. Д.14. - Л.51.

⁶ ГАБО. Ф.Р.-1781. Оп.1. Д.35. - Л.2.

коллегии определить таковым высшую меру наказания как сознательным контрреволюционерам творящим преступления под залогом иностранной подданности»¹.

В этот же день в заседании Суражской УЧК было принято постановление о том, чтобы Юстов «подвергнуть аресту для общественных работ сроком на три месяца, заменив Карлу Юсту означенный арест штрафом в 30000 р.». Однако К. Юст отказался от уплаты этой суммы, но уже 8 октября он выплатил ее². В ноябре Александр Юст также был выпущен на свободу³, вероятно по амнистии в честь 2-й годовщины Октябрьской революции. В этом деле все закончилось относительно благополучно. Более жесткое наказание в отношении Юста было, вероятно, продиктовано не его антисоветской «агитацией», а тем, что он был классово чуждым элементом, так как был владельцем колбасной лавки. Для власти важно было не столько покарать такого «буржуя», сколько получить от него выкуп.

Таким образом, местные органы ЧК весьма осторожно подходили к определению своей компетенции и пытались взвешенно определять врагов Советской власти, учитывая многие обстоятельства и, прежде всего, их классовую принадлежность. Очевидно, что в массе своей обвиняемыми были простые люди, которые для Советской власти не несли целенаправленной опасности, а многие дела возникали из реалий сложной жизни.

На определенную мягкость принимаемых решений карательными органами указывает и анализ материалов ГИТО (губернский исправительно-трудовой отдел). Обращает внимание тот факт, что все 16 дел о расстреле, рассмотренные в 1921 г. распределительной комиссией ГИТО и представленные в Брянский Губревтрибунал заканчивались сокращением сроков заключения в 3-5 лет и они переводились в категорию «исправляющихся»⁴.

¹ ГАБО. Ф.Р.-1781. Оп.1. Д.35. - Л.2 об.

² ГАБО. Ф.Р.-1781. Оп.1. Д.35. - Л.3-3 об.

³ ГАБО. Ф.Р.-1781. Оп.1. Д.35. - Л.4.

⁴ ГАБО. Ф.Р.-594. Оп.2. Д.474.

Анализ дефектов в деятельности народных Судов, проведенный Наркомюстом за 1919 г. показывает, что «1. Денежные штрафы являются преобладающим видом наказания, превышая почти по всем губерниям 50% всех видов наказания, причем по некоторым губерниям штрафы достигают 60%»¹.

Требовалось обращать особое внимание на дела о содержании под стражей (Республике, вероятно, было тяжело кормить осужденных). Отмечалось незначительное количество оправдательных дел в Петроградской губернии, лишь 20%. В то время как в других губерниях оправдательных приговоров довольно велико: Тульской 59%, Витебской 56, Рязанской 54, Воронежской 54, Астраханской 51, вологодской 50, Пензенской и Тамбовской 48, Псковская 49, Нижегородская 46 и т.д.² Власть была обеспокоена таким разбросом и задалась вопросом. А не зависит ли это от личного состава судей? Указывалось на то, что в ряде губерний (Новгородская, Уфимская, Оренбургская) среди судей вовсе нет коммунистов, их мало в Гомельской, Вятской, Тамбовской и др.

Наркомюст отмечал мягкость приговоров относительно самогоноварения и пьянства в публичных местах, как, впрочем, и дела о спекуляции, о несоблюдении трудовой дисциплины, взяточничестве.

Таким образом, проанализированный материал показывает всю сложность деятельности местных органов ЧК. Находясь ближе к людям, которых они знали, зачастую работая с ними многие годы, сотрудники ЧК не могли действовать безоглядно, они вынуждены были учитывать многие обстоятельства, вероятно, именно это вело к более осмотрительному подходу при разборе дел. Местные ЧК весьма осторожно определяли и свою компетенцию, стремясь не прибегать к крайним мерам. Многие дела передавались в Народные суды, деятельность которых отражала тенденцию на смягчение наказаний.

¹ ГАБО. Ф.Р-610. Оп.1. Д.38. - Л.55 об.

² ГАБО. Ф.Р-610. Оп.1. Д.38. - Л.55 об.

В.В. Крашенинников,
*к. и. н., доцент Брянского государственного
университета им. акад. И. Г. Петровского*

К истории политических репрессий на Брянщине в 1937-1938 гг.

Руководители партии большевиков, взяв в октябре 1917 г. власть в свои руки, понимали, что без принуждения и репрессий они не смогут ни удержать власть, ни реализовать планы социалистического переустройства общества. Репрессии по отношению к реальным или потенциальным противникам новой власти никогда не прекращались и после завершения Гражданской войны, но в первые годы нэпа их масштабы заметно снизились. Так, в 1923 г. в СССР было осуждено по политическим мотивам менее 5 тысяч человек, в т.ч. – к высшей мере (расстрелу) немногим более 400 человек. С 1924 г. по 1929 г. число осуждённых по политическим мотивам постепенно увеличивалось (с 12,5 тысяч до 56 тысяч в год), а число расстрелянных колебалось от 900 до 2500. "Великий перелом" и массовое раскулачивание в деревне резко увеличили число репрессированных: в 1930-1931 гг. было осуждено около 390 тысяч человек, из них почти 31 тысяча – к расстрелу (в число осуждённых здесь и далее не включены высланные в административном порядке). В течение пяти последующих лет число осуждённых колебалось от 80 тысяч (1934 г.) до 275 тысяч (1936 г.), а число расстрелянных "контрреволюционеров" – от 1 тысячи до 3 тысяч. Однако захлестнувшая страну в 1937-1938 гг. репрессивная волна оказалась не сравнимой с предшествующим временем ни по масштабам (число осуждённых по "контрреволюционным делам" превысило 1350 тысяч, по другим данным – 1575 тысяч человек), ни по жестокости (к высшей мере было приговорено свыше 680 ты-

сяч).¹

Массовые политические репрессии 1937-1938 гг. происходили во всех регионах СССР, в т.ч. и на Брянщине. К сожалению, даже спустя много десятков лет руководители областных властных структур продолжают занимать позицию "умолчания", в результате чего Брянская область оказалась одной из немногих в Российской Федерации, где работа по изучению событий того времени, восстановлению имен погибших и репрессированных, увековечению их памяти в сколько-нибудь значительных масштабах не проводилась и не проводится.

Сведения, содержащиеся в данной статье, большей частью основаны на материалах заседаний Президиума Брянского областного суда в 1955-1965 гг., где рассматривались дела о реабилитации граждан, необоснованно осуждённых за так называемые "контрреволюционные преступления". В настоящее время эти документы находятся в Государственном архиве Брянской области (ГАБО, фонд 2213, опись 8). Количество связанных с данной тематикой дел за эти годы (аналогичные дела конца 1980-х – начала 1990-х гг. нами не рассматривались) не очень велико (немногим более 20), но здесь имеются сведения о многих тысячах несправедливо осуждённых, в основном в 1937-1938 гг. Содержащаяся в этих делах информация, впрочем, не даёт исчерпывающих сведений обо всех репрессированных на Брянщине по обвинениям политического характера, но общую картину она позволяет восстановить с достаточной полнотой.

Теоретическим обоснованием политических репрессий стала выдвинутая И.В. Сталиным (наиболее развёрнуто это было сделано на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП (б) в 1937 г.) концепция обострения классовой борьбы по мере укрепления в стране социализма. На практике этот тезис использовался для организации нескольких громких политических процессов, в ходе которых были сначала дискредитированы, а затем

¹ Платунов, Н.И. Расселение и использование труда заключенных в 1930-е гг. / Н.И. Платунов // Проблемы истории советского государства и общества. – Брянск, 2002. – С. 143; Залесский, К.А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь / К.А. Залесский. – М., 2000. – С. 157.

физически уничтожены многие известные партийно-государственные деятели, которые когда-либо оказывались в оппозиции курсу И.В. Сталина, а также ряд видных руководителей Красной Армии. Наряду с этими процессами было сфабриковано ещё множество дел против "троцкистов", "правых", "военно-фашистских заговорщиков", "иностранных агентов" и прочих "врагов народа".

В первой половине 1937 г. на Брянщине, как и в других регионах, органы НКВД главное внимание уделяли выявлению "недобитых троцкистов". К примеру, в начале 1937 г. на пять лет лагерей был осуждён стеклодув Бытошевского завода А.Г. Григорьев, хотя и не состоявший в каких-либо "троцкистских" организациях, но в 1927 г. участвовавший в заводской забастовке, выступивший с требованием повышения заработной платы и порой солидаризировавшийся с мнением "троцкистов". В марте такой же лагерный срок получил учитель Вороновской школы Рогнединского района Я.С. Федорков, член ВКП (б), из семьи бежицких рабочих, который во время учёбы в вузе в конце 1920-х – начале 1930-х гг. был связан с молодёжной троцкистской группой. В разговорах с товарищами он заявлял, что И.В. Сталин "установил в стране свою диктатуру и ведёт политику на уничтожение старых партийных кадров"¹. В июне на восемь лет лагерей был осуждён член партии большевиков с 1918 г. Е.Б. Шендерей, активный участник Гражданской войны. В 1926-1927 гг. он действительно поддерживал взгляды Л.Д. Троцкого и его сторонников, выступал на собраниях рабочих Клинцовского кожевенного завода "Красный Гигант", распространял троцкистскую литературу. Имел за это партийные взыскания, но членом партии оставался до 1935 г. В целом количество политических дел (по ст. 58) было в первой половине 1937 г. ещё не очень большим, а меры наказания по ним (обычно – 5 лет лагерей) определялись в основном сложившейся ранее практикой. Такой срок, к примеру, получили обвинённые в антисоветской дея-

¹ ГАБО, ф. 2213, оп. 8, д. 98, л. 103. (Далее при ссылках на дела этого фонда название архива, номер фонда и описи не указываются).

тельности несколько жителей Навли: бухгалтер лесохимзавода А.И. Бартельс, помощник бухгалтера канифольного завода Т.М. Евгеньев, машинист электростанции при шпалопропиточном заводе Г.К. Кречетов, студент лесотехникума С.Я. Пономарев.

Ситуация резко изменилась со второй половины 1937 г. 11 июня в Москве закончился процесс над руководителями "военно-фашистского заговора в РККА" (дело М.Н. Тухачевского и других), которые на следующий день были расстреляны. Есть сведения, что последним расстреляли бывшего командующего Белорусским военным округом И.П. Уборевича, от которого пытались добыть компрометирующие данные о близком товарище, первом секретаре Западного обкома ВКП (б) И.П. Румянцеве, члене ЦК ВКП (б) с 1924 г.

16 июня в Смоленск, центр Западной области (куда входила и Брянщина), прибыл один из ближайших соратников И.В. Сталина Л.М. Каганович, а также несколько других представителей из Москвы. Утром следующего дня И.П. Румянцев, обвинённый в преступных связях с Уборевичем, был арестован (в октябре его расстреляли). На состоявшемся вскоре пленуме обкома ВКП (б) 14 из 15 членов бюро обкома, избранного в начале 1937 г., были исключены из партии, а затем репрессированы. Привезённые из Москвы новые руководители обкома партии (Д.С. Коротченко), облисполкома (К.П. Бидинский), облуправления НКВД (В.А. Каруцкий) проявляли особое рвение в раскрытии "враждебных элементов". К примеру, Каруцкий, получивший от наркома Н.И. Ежова разнарядку на тысячу лиц, подлежащих расстрелу, к августу уже превзошел это задание более чем вдвое. Эти действия фактически были первым опытом организации "массовых чисток" на местах, поскольку после состоявшегося в конце июня 1937 г. пленума ЦК (на нём ряд членов и кандидатов в члены ЦК предприняли последнюю попытку выступить против массовых репрессий) подобные кампании стали проводиться практически во всех республиках, краях и областях. Видимость "правового" основания для таких действий создавало подписанное 28 июня 1937 г. секретное постановление Политбюро ЦК ВКП (б), согласно которому все органы власти

обязаны были выявить ранее высланных кулаков (к этому времени у большинства осуждённых в годы коллективизации кулаков и "подкулачников" закончился 3-5-летний срок лагерей или высылки) и разделить их на две категории: "наиболее враждебно настроенных" (их ожидал расстрел) и прочих (им грозил 8-10-летний лагерный срок)¹. Аналогичные меры намечались и для других "бывших" (дворян, офицеров старой армии, церковников, представителей прежних политических партий и т.д.).

Как следствие, на Брянщину почти одновременно нахлынули две волны репрессий: против местных партийных, советских, хозяйственных и прочих руководителей и против уцелевших "бывших". В качестве лидера будто бы существовавшей в Брянске и связанной с И.П. Румянцевым "антисоветской правотроцкистской организации" был назван первый секретарь Брянского ГК ВКП (б) И.П. Волков, в числе её активных членов – секретарь Брянского ГК партии Ф.Д. Дмитриев, директор завода "Красный Профинтерн" И.Г. Штерн, секретарь парткома механического завода им. Кирова М.П. Щекатуров и ещё около тридцати человек. Большинство из них было расстреляно, лишь немногие попали в лагерь.

Среди репрессированных оказались партийные руководители ряда городов и районов: М.Ф. Соколов (Орджоникидзград), М.В. Малков (Клинцы), Л.Г. Дворников (Почеп) и другие, но большинство подвергшихся репрессиям в 1937-1938 гг. составляли не руководители, а рядовые рабочие, колхозники, представители интеллигенции.

С августа 1937 г. репрессии стали активно набирать обороты. Первоначально среди политических дел преобладали одиночные – либо ранее осуждённых, но вернувшихся из мест заключения, либо лиц, допускаявших высказывания, которые можно было квалифицировать как антисоветскую агитацию.

К первой группе можно отнести колхозника Я.П. Гарпинченко из хут. Вара Погарского района, осуждённого в 1930 г.

¹ Роговин, В.З. Партия расстрелянных / В.З. Роговин. – М., 1997. - С. 10 - 11.

за сожжение собственной мельницы, а в августе 1937 г. приговорённого к расстрелу; братьев Ивана и Александра Ашитко из д. Буда-Вовницкая Унечского района, из семьи умершего в 1924 г. кулака, не принятых из-за этого в колхоз и получивших в 1930-1931 гг. соответственно по 5 лет лагерей и ссылки, а в 1937 г. – высшую меру наказания (ВМН) и 10 лет лагерей; уроженца с. Салтановки Навлинского района Д.М. Михалева, в 1930 г. раскулаченного и сосланного на Урал, а к моменту ареста в 1937 г. работавшего сторожем лесосклада на ст. Палужье (Выгоничский район), осуждённого на 8 лет; колхозника из д. Дубрословичи Жуковского района М.В. Баранова, выходца из кулацкой семьи, осуждённого на 10 лет и погибшего в лагерях, и ещё много других. Порой из таких лиц оформляли и групповые дела. Так, уроженец п. Новосергеевки Климовского района П.А. Юрченко после раскулачивания вернулся в 1936 г. и зарабатывал на жизнь разными подёнными работами в Новозыбкове, а его сыновья Леонтий, Анатолий и Григорий устроились работать в мастерских на ст. Карховка. В августе 1937 г. все они были обвинены в антисоветской агитации и осуждены: П.А. Юрченко – к ВМН, а его сыновья, выразившие недовольство низкими заработками и поэтому отказавшиеся от подписки на заём, получили по 8 лет лагерей. Подобную антисоветскую группу оформили работники Новозыбковского райотдела НКВД на семерых жителей с. Новые Бобовичи, отдельные из которых подвергались репрессиям в 1930-1931 гг. В результате 2 человека (Т.М. Святоха и В.Н. Мастобаев) получили ВМН, 4 человека – по 10 лет и один – 8 лет лагерей.

Не представляло большого труда найти и других "виновных" в "антисоветской" агитации. Вот лишь некоторые примеры из числа осуждённых в августе 1937 г. Колхозник из д. Писаревки Клинцовского района М.И. Барабанов в январе 1937 г. при обсуждении на собрании материалов судебного процесса над Г.Л. Пятаковым и другими высказал мнение, что собранию не следует выносить решение о расстреле, т.к. это дело суда. На другом колхозном собрании он говорил, что колхозники мало получают на трудодни и просил райзо пересмотреть план сева

как нереальный. Самостоятельность мнений стоила М.И. Барабанову десяти лет лагерей. Такую же меру наказания получил линейный техник Брянского райотдела связи Г.Ф. Федотов, высказавший сожаление в связи с осуждением М.Н. Тухачевского, И.П. Уборевича и других военных деятелей.

Эта же "вина" плюс негативные суждения о коллективизации сельского хозяйства и государственных займах стали основанием для осуждения к ВМН уроженца д. Лопатни Клинецовского района С.И. Шаройко, работавшего возчиком в Клинцах. К расстрелу был приговорен также уроженец с. Девичье Навлинского района Е.И. Бычков, который во время демонстрации кинофильма "Мы из Кронштадта" высказывал замечания о роли комиссаров в Гражданской войне, о хорошем вооружении у белых и плохом – у краснофлотцев.

Однако одиночные политические дела не позволяли органам НКВД показать перед руководством страны "масштабность" своей работы, и поэтому с осени 1937 г. большая часть осуждённых проходила по делам "антисоветских" организаций и групп.

Одним из наиболее крупных стало дело брянских и дятьковских церковников, по которому было осуждено около 30 человек. Оно, в отличие от большинства других, полностью сфальсифицированных, опиралось на некоторые реальные факты. В конце 1920-х – начале 1930-х гг., когда усилились религиозные гонения, брянские священники и церковный актив, руководимые архиепископами Матвеем (Храмцовым) и Даниилом (Троицким), начали организовываться с целью противодействия антирелигиозным мерам и оказания поддержки репрессированным церковнослужителям и их семьям. К середине 1930-х гг., после смерти обоих архиепископов, наиболее активная организация сохранилась в Дятьковском районе, где её возглавляли благочинный о. Александр Введенский и священник о. Иоанн Клестов. Вынесенный в сентябре 1937 г. приговор оказался весьма суровым: арестованные священники, церковные активисты и даже некоторые просто сочувствовавшие (в их числе – председатель колхоза и два колхозника из с. Бацкино) были при-

говорены к расстрелу, лишь очень немногие получили по 10 лет лагерей.

Были в это время и другие групповые дела священнослужителей. В антисоветской агитации были обвинены четверо священников Дубровского района, из них о. Леонид Гаврилов из с. Рябчичи и о. Петр Березкин из с. Давыдчичи получили ВМН, а ещё двое – по 10 лет лагерей.

По трем делам религиозного характера, но уже связанным с баптистами-антивоенниками, проходили 13 крестьян из различных селений Трубчевского района (получили по 10 лет лагерей), 13 колхозников Дубровского и Клетнянского районов (четверо приговорены к ВМН, остальные – к 10-летнему лагерному сроку), 18 жителей Почепского района (трое – ВМН, остальные – 10 лет лагерей).

В Комаричском районе действовала официально зарегистрированная община "христиан евангельской веры", руководимая колхозником из с. Глядино Д.И. Писаревым, но летом 1937 г. глава общины и ещё 6 ее членов (в т.ч. – две женщины) были арестованы и в сентябре осуждены на 10 лет лагерей.

Были и просто "контрреволюционные группы". Вот отдельные примеры: 14 уроженцев д. Камень Стародубского района, в основном колхозники, – из них трое осуждены к ВМН, остальные получили по 10 лет лагерей; 12 жителей с. Заборье и д. Медведи Красногорского района – 7 человек (среди них – учитель Заборской школы А.П. Субботин и священник о. Федор Мельников) расстреляны, наказание для остальных – по 10 лет лагерей; 10 жителей Трубчевского района (больше всего – из с. Селец) – семеро получили по 10 лет лагерей, трое (в т.ч. – председатель колхоза "Пламя революции" С.А. Гнедов и священник о. Павел Монастырский) – расстреляны. К числу погибших по последнему делу следует добавить председателя местного сельсовета Леонова, вынужденного под давлением работников НКВД дать фиктивные справки о кулацком происхождении арестованных, а затем вскоре покончившего с собой.

Хотя преобладающую часть арестованных и осуждённых составляли сельские жители (в основном – колхозники), участ-

ников "антисоветских групп" активно искали и в городах. К примеру, в сентябре 1937 г. были осуждены на 8-10 лет лагерей пятеро членов "контрреволюционной группы" из числа работников Брянского телеграфа и узла связи. Передопрошенный позже техник Брянского узла связи А.Т. Мальцев заявил, что во время следствия к нему применялись методы физического воздействия, в силу чего он оговорил других арестованных. Техник линейно-технического узла связи С.Д. Сапачев, не признавший себя виновным, при повторном допросе вновь подтвердил, что никакой антисоветской деятельности не вёл, а передопросить начальника ЛТУ связи г. Брянска Д.Ф. Романова, экономиста Брянского телеграфа И.И. Пахомова и механика телеграфа В.И. Юрченко оказалось невозможным из-за их смерти. О степени "вины" этих лиц свидетельствуют хотя бы показания на В.И. Юрченко, который говорил, что "стахановскими методами не улучшили, а ухудшили работу; от увеличения оборотов аппаратуры последняя быстро выйдет из строя"¹.

Наряду с "организациями" и "группами" значительное место по-прежнему занимали политические дела на отдельных лиц. Вот лишь некоторые из тех, кто был осуждён к ВМН в сентябре 1937 г., а позже реабилитирован: колхозники М.Д. Крупянко (д. Ямное Гордеевского района), М.Ф. Соловьев (д. Жастков Суражского района), Т.Е. Щербенко (с. Лобки Погарского района); священники о. Иоанн Болхаревский из с. Высокое и о. Кондратий Корольский из с. Лыщичи Унечского района, о. Деметрий Лаврущенко из Новозыбкова и о. Илия Ковалев из Злынки; шорник Новозыбковского сельхозтехникума Г.И. Азбукин, бухгалтер артели "Пищевкус" в Мглине Я.Ф. Подлuzский, зав. магазином в д. Деньгубовке Дубровского района А.А. Толкачев, бригадир Чернятинского стеклозавода в п. Старь Дятьковского района Н.А. Федькин. Некоторым из числа расстрелянных в вину ставили "дела давно минувших дней". Так, уроженец с. Перелазы Красногорского района П.Т. Левицкий якобы

¹ Д. 131, л. 64.

"имел связь с бандой Савицкого" (абсурдность ситуации заключалась в том, что к моменту гибели руководителя отряда "лесных братьев" А.И. Савицкого в 1909 г. обвиняемому не было и 14 лет); колхозник из с. Нивное Суражского района В.С. Гаврусев был обвинён в принадлежности к партии эсеров, хотя десятью годами раньше он публично в печати заявил об отказе от всех эсеровских идей; старообрядческому священнику о. Иоанну Тиханову из Клинцов вспомнили его осуждение в 1930 г. (фактически за отказ продолжать секретное осведомительство).

Ещё большее количество осуждённых "контрреволюционеров" получило лагерные сроки, причем 8 лет считалось уже лёгким наказанием, а обычным было осуждение на 10 лет лагерей. Такой срок получили, например, рабочий сталелитейного цеха завода "Красный Профинтерн" Н.И. Киреев, рабочий того же завода Сидор Митюрин и его брат Сергей, бывший пастухом, – оба из д. Опыхани Брянского района, рабочий на ст. Унеча К.А. Мытницкий, единоличник из д. Устарь Суземского района И.Т. Солдатенков (отказался от вступления в колхоз и от подписки на заём, умер в местах заключения), колхозник из д. Сельцо-Рудное Жуковского района Д.Е. Тябокин, часто на собраниях критиковавший председателя и членов правления колхоза, которые и сфабриковали на него ложные доносы.

В конце сентября 1937 г. Западная область была разукрупнена, а территория Брянщины оказалась в составе Орловской области. Руководители новой области (председателем Оргкомитета ВЦИК СССР, а затем первым секретарем Оргбюро ЦК ВКП (б) по Орловской области был назначен уже упоминавшийся ранее К.И. Бидинский), естественно, не пытались корректировать в сторону уменьшения имевшуюся разнарядку по политическим делам, а, напротив, стремились проявить свою бдительность и непримиримость к врагам. Об этом свидетельствует происшедшее в декабре 1937 г. совещание в Орловском областном управлении НКВД, где начальник управления П.Ш. Симановский, ссылаясь на "личные указания вождя народов товарища Сталина и наркома товарища Ежова", потребовал "разворота активной борьбы с враждебным подпольем", "концентрированного

удара по участникам правотроцкистских формирований и их социальной базе", искоренения "недобитых контрреволюционных элементов". В качестве достижения П.Ш. Симановский отметил, что менее чем за два месяца "нами раскрыто 27 церковно-сектантских, фашистско-эсеровских и шпионских организаций, а также 1057 групп"¹.

Среди множества групповых дел, относившихся к последним месяцам 1937 г., были и особо примечательные. По делу "контрреволюционной фашистской организации", якобы существовавшей в Брянске с 1927 г., проходило 15 человек, из которых 8 были офицерами царской армии, а 70-летний П.М. Конопчанский – генерал-майором. Никто из них не был связан с "белым движением"; документов о существовании брянской офицерской организации не обнаружено; большинство арестованных занималось трудовой деятельностью (работали преподавателями, бухгалтерами и т.д.). Приговор отличался жестокостью: лишь двое получили по 10 лет лагерей, а остальные (в т.ч. – П.М. Конопчанский) были расстреляны.

Значительное количество крупных "антисоветских" организаций и групп было "выявлено" (точнее, сфабриковано) в Дятьковском районе. Из проходивших по делу "контрреволюционной террористической эсеровской организации" 10 человек были уроженцами и жителями поселков Ивот и Старь, где большинство работало на местных стекольных заводах, а ещё трое жили в Дятькове и Любохне. Многие из них участвовали в борьбе против царской власти ещё в годы первой русской революции, причём некоторые (В.С. Благодетелев, Н.Ф. Зудкин, Ф.П. Разрезов) были активными социал-демократами, и лишь о Ф.В. Карпове из Любохны известно, что он в те годы распространял эсеровские листовки, однако эсеровская организация в посёлке после 1913 г. не существовала. Реальная "вина" этих людей заключалась в том, что они не стеснялись вслух высказывать своё мнение о существовавших трудностях. К примеру Н. Ф. Зудкин на одном из цеховых собраний

¹ Реквием. Книга памяти жертв политических репрессий на Орловщине. Т. 2. – Орёл, 1995. – С. 28.

заявил: "Ну какая это жизнь, мы... только... говорим на разных собраниях, совещаниях, заседаниях и т.д. из пустого в порожнее, а дела нет, нет ни хлеба, ни денег, никто не думает обеспечить рабочих, а только собирают собрания... Голодный рабочий работать не может"¹. Все участники мифической "эсеровской" организации были расстреляны.

В декабре в Дятькове были завершены ещё два больших дела "антисоветских эсеров-кулацких группировок", по которым в общей сложности проходило 42 человека. Из них около половины работали либо на цементном заводе, либо на Бытошевском стекольном заводе, но были и рабочие других предприятий, и служащие, и железнодорожники, и колхозники, и пенсионеры. Трое из осуждённых получили ВМН, остальные – по 10 лет лагерей.

Крупная "контрреволюционная кулацкая" организация была "разоблачена" в Клетнянском районе. Её участники, 17 уроженцев с. Акуличи, в большинстве своём раньше подверглись раскулачиванию, хотя были середняками. В разговорах они не скрывали недовольства властью за необоснованные репрессии, но антисоветской агитации не вели, почти все работали в колхозе. Большинство из осуждённых попали в лагерь, четверо были расстреляны, в их числе – Н.А. Глушаков, являвшийся первым председателем колхоза.

Восемь жителей с. Бобрик Погарского района проходили по делу о "контрреволюционной кулацкой группе". Лишь один из них получил 10 лет лагерей, остальные были расстреляны (в т.ч. – священник о. Алексей Воскресенский, 73 лет, и учитель местной школы И.И. Мелихов).

Суровым оказался приговор и по делу "контрреволюционной организации правых", по которому проходили в основном уроженцы д. Пластовое Навлинского района, большей частью работавшие в местном колхозе. Руководителем организации был объявлен давний член ВКП (б) Д.Н. Ерохин, имевший высшее образование и являвшийся

¹ Д. 138, л. 174.

незрячим пенсионером. Чтобы заставить признать мнимую вину, его допрашивали беспрерывно трое суток. По приговору шесть человек (включая, естественно, и Д.Н. Ерохина) были расстреляны, четверо осуждены на 10 лет.

Вот ещё несколько примеров из числа "контрреволюционных организаций", "созданных" работниками НКВД на территории разных районов в ноябре-декабре 1937 г. Из 14 человек, преимущественно колхозников из д. Фёдоровки и соседней д. Ивановки Гордеевского района, четверо были приговорены к ВМН, остальные – к 8-10 годам лагерей. Столько же расстрелянных оказалось из крестьян с. Лобановки Климовского района, а ещё семеро получили по 10 лет лагерей. Среди 10 колхозников и крестьян-единоличников из нескольких хуторов – Джуровка, Роговичи, Синицкий, Хоткин (Песоцкий), Щербаковка – Погарского района лишь один был осуждён на 10 лет, а остальные – расстреляны.

В ноябре в с. Ляличи Суражского района 17 колхозников оказались зачисленными в "контрреволюционную повстанческую организацию", само название которой не предвещало для этих людей ничего доброго. Только двое из них получили по 10 лет лагерей, а остальные 15 были расстреляны. Семеро репрессированных носили одну и ту же фамилию – Бондаревские. Вскоре к ним добавился ещё один Бондаревский, уехавший из Лялич и работавший на ст. Сураж, но и его настигла высшая мера наказания. В конце декабря ещё пятеро жителей села пополнили список репрессированных: двое были расстреляны, трое попали в лагерь.

Ещё одну "контрреволюционную группу" составили 12 жителей с. Овстуг Жуковского района. В их числе были: Дмитрий Васильевич Киселёв, 1868 г. рождения, работавший сторожем в школе №2 г. Орджоникидзеграда, а в дореволюционное время бывший овстугским волостным старшиной, избиравшийся гласным уездного земства и депутатом IV Государственной Думы; его братья Семён и Филипп, его сыновья Николай и Пётр, а также несколько их родственников. Восемь участников сфальсифицированного дела (в т.ч. – все Киселёвы) были расстреля-

ны, остальные получили по 10 лет лагерей.

Вообще довольно многие "антисоветские группы" формировались по родственному принципу. Вот лишь отдельные примеры. Жители с. Уручье Выгоничского района Николай Михайлович Солупеев и его сыновья Иван и Сергей составили одну из таких "групп" и были осуждены – отец к ВМН, сыновья – к лагерным срокам. Аналогичная ситуация повторилась с колхозниками из с. Лопатни Клинцовского района, где отец Филипп Иванович Балухто, 1867 г. рождения, был расстрелян, а его сыновья Пётр, Сергей, Федос, Иван, Василий получили по 10 лет лагерей. Иначе обернулась судьба к семейству Трусовых из с. Новосёлки Брянского района, где престарелый отец Павел Ануфриевич был отправлен в лагерь, а его сыновья Егор, Сергей и Михаил – расстреляны. По одному делу проходили колхозники из с. Яловки Красногорского района Иван Кириллович Кузера и его сыновья Евдоким и Василий; все трое были приговорены к ВМН. Были расстреляны также уроженцы с. Андреевки Гордеевского района Семён Дмитриевич Резников, 1868 г. рождения, и его сыновья Николай (чернорабочий в тресте "Клинсукно"), Иван (директор Смолевичской школы Клинцовского района) и Яков (счетовод Клинцовского текстильного техникума). Уроженцы д. Чемодурово Брянского района Филипп Григорьевич Каменев и его сыновья Павел, Иосиф и Алексей в 1930-е гг. жили в Бежице, где отец, 1867 г. рождения, работал сторожем, Павел и Иосиф трудились на заводе "Красный Профинтерн", а Алексей был шофёром Гортранса. Все были арестованы и осуждены: отец и старший брат – к ВМН, Иосиф и Алексей получили по 10 лет лагерей. К такому же лагерному сроку были приговорены рабочие совхоза "Севский" Кирилл Петрович Изотов и его сыновья Константин и Алексей (из д. Орля-Слободка).

В делах более крупных "организаций" также нередко оказывались родственники. Например, из 10 репрессированных по одному делу уроженцев д. Перетин Гордеевского района было три брата Шевцовы, два брата Шелепы и два брата Лобановы.

Другая категория лиц проходила по делу, завершивше-

муся в конце декабря в Стародубе. В основном это были представители местной интеллигенции и служащие. "Антисоветская клевета" со стороны арестованных заключалась в противопоставлении старой России и СССР по обеспечению товарами первой необходимости: "В царское время жилось гораздо лучше, ... продуктов было достаточно, очередей никаких не было, ... а теперь... сотни человек в очереди, вот и возьми"¹. По приговору трое (юрисконсульт Стародубской конторы "Росглавплодоощ" Ф.Н. Карловский, зав. делопроизводством райотдела связи А.И. Корейко и счетовод заготконторы райпотребсоюза С.Е. Шумейко) были расстреляны, пятеро были осуждены на десять лет. По 10 лет лагерей получили 6 рабочих разных злынковских производственных артелей, хотя обвинения (включая вредительство) могли иметь и более тяжкие последствия.

Беспощадный характер приняли репрессии против священнослужителей. Например, в Стародубе была "раскрыта" созданная якобы здесь контрреволюционная организация церковников "Истинно-православная вера", в состав которой были включены семь местных священников и священник соседнего с. Дедово. Другая "контрреволюционная" группа из пяти почепских священников, председателя церковного совета почепской Воскресенской церкви, священников сел Семцы и Красная Слобода была "обезврежена" в Почепе. Все 16 проходивших по этим делам лиц были расстреляны. Из "раскрытой" в Клинцах мифической "контрреволюционной организации церковников-старообрядцев" 10 человек были расстреляны и лишь один получил 10 лет лагерей.

Усилились репрессии и против протестантских сект. Из 12 колхозников с. Перелазы Красногорского района, обвинённых в участии в группе евангелистов, семеро были расстреляны, остальные осуждены на 10 лет, хотя из их числа двое вышли из секты ещё десять лет назад, а один вообще в неё не вступал. В д. Алексеевка Клетнянского района было арестовано восемь бап-

¹ Д. 104, л. 153.

тистов. Работник НКВД предложил им отречься от своей веры, пообещав после этого их отпустить. Двое согласились и были освобождены. Остальные отказались, и в результате четверо были осуждены на 10 лет, а двое расстреляны. В декабре 1937 г. были осуждены пятеро баптистов из д. Скоробогатая Слобода Новозыбковского района, ранее добросовестно работавшие в местном колхозе, но тем не менее либо расстрелянные (И.А. Козорез и Г.Л. Савич), либо попавшие на 10 лет в лагерь. Ещё суровее оказался приговор по аналогичному делу колхозников из с. Внуковичи того же района, из которых четверо были расстреляны и только один получил 10 лет лагерей. Из 17 баптистов, арестованных в различных селениях Мглинского района (больше всего – в селах Вормино и Шумарово), 8 человек были приговорены к ВМН, остальные – к 10 годам лагерей.

Значительное место продолжали в конце 1937 г. занимать дела "бывших". По двум из них проходили уроженцы с. Найтоповичи Унечского района, среди которых оказалось и несколько бывших эсеров. Четверо из них за активное участие в первой русской революции были в 1906 г. высланы в отдалённые районы, однако наказание 1937 г., полученное без всякой новой вины, оказалось намного суровее: семь человек было расстреляно (в т.ч. – директор Найтоповичской школы Е.П. Жихарев, счетовод Неждановского сельпо Т.А. Бордачев, фельдшеры Унечской железнодорожной поликлиники Е.С. Семеньков и П.Д. Шпиньков), четверо получили по 10 лет.

Как "бывшие активные эсеры", якобы "проводившие активную контрреволюционную деятельность"¹, были расстреляны жители Мглина учитель И.Д. Воробьев, адвокат М.А. Корневский, зав. зерноскладом райпотребсоюза А.Ф. Веремьев, колхозник из с. Новая Романовка И.Н. Туйманов.

В ноябре-декабре 1937 г. трижды рассматривались дела о "контрреволюционных кулацко-повстанческих группах" из деревень Щегловка и Печки Навлинского района, по которым проходило в общей сложности свыше 20 человек. Им вменялась

¹ Д. 138, л. 267

в вину антисоветская агитация и участие в "троцкистско-эсеровском восстании против Советской власти" в 1919 г.¹ (а ведь в то время Л.Д. Троцкий был председателем РВС и возглавлял борьбу Красной армии против белогвардейцев и контрреволюционных мятежников). Из арестованных 13 (из них – пятеро Пуниных, трое – Шишкиных, двое – Косенковых) получили ВМН, 8 – по 8-10 лет лагерей (в т.ч. – трое, которым в 1919 г. было по 9-12 лет).

Бывший полицейский царского времени Р.П. Колупаев, проживавший в Брасово, был с 1919 г. парализован, но в 1937 г. семидесятилетнего инвалида арестовали и расстреляли. По этому же делу проходило ещё 8 колхозников и крестьян-единоличников из д. Осотское и с. Кропотово Брасовского района, получивших по 10 лет лагерей. Примечательно, что из осуждённых Г.Ф. Лебедев был после революции председателем местного комбеда и активно участвовал в организации первых колхозов, а П.И. Молчанов был секретарем комсомольской организации колхоза.

Однако далеко не всегда работникам НКВД удавалось "раскрыть" крупные организации или группы, поэтому многие арестованные были осуждены по одиночным делам, значительная часть которых возникала в результате доносов внештатных осведомителей или просто непопорочных людей, сводивших личные счёты.

Чтобы представить себе географию репрессий и лучше уяснить, какие социальные группы населения оказались ими затронуты, перечислим лишь немногих из числа расстрелянных по политическим делам 1937 г.: рабочие завода "Красный Профинтерн" С.В. Зиновкин (из д. Меркульево Брянского района), Г.Н. Новиков (из д. Дятьковичи Жуковского района), И.В. Фокин (из п. Малый Крупец Выгоничского района), рабочий Брянского завода им. Урицкого Е.Ф. Бобков (из с. Верхополье Карачевского района), рабочий Клинцовской фабрики им. Октябрьской революции Н.П. Афанасенко, кочегар фабрики "Волна револю-

¹ Д. 186, лл. 186, 335, 366.

ции" в Новозыбкове В.П. Дыбенко, десятник Суражских торфопромыслов Е.А. Бондарев (из с. Ляличи), прораб "Коммуногражданстроя" в Брянске С.А. Измайлов, каменщик и конюх Творшинского спиртзавода (Гордеевский район) И.Д. Белаш и А.С. Мелешенко, техник по гражданскому строительству в Новозыбкове А.П. Хазанов (уроженец Стародуба), путевой обходчик ст. Дятьково Е.П. Ковылин, старший телеграфист Новозыбковской конторы связи А.Л. Маевский, почтальон из с. Денисовичи Злынковского района С.И. Соколовский, рабочий Чуровичского сельпо Д.В. Ивако (из с. Хоромное Климовского района), продавец Брянторга Н.П. Дроздов (из с. Жирятино), счетовод Мглинского лесхоза А.Л. Лобанов, ведущие научные сотрудники Новозыбковской опытной станции Г.А. Васильев, Н.С. Крючков, Н.К. Успенский, зав. лабораторией новозыбковской фабрики "Волна революции" А.Х. Топоров, ветфельдшер из с. Глинное Навлинского района Е.И. Жилин, санитарный врач И.Я. Комаров (г. Новозыбков), фельдшер из с. Влазовичи Суражского района Д.Ф. Прохоренко, бухгалтер Брянского музыкального училища Н.Д. Руденский, кассир-счетовод Новозыбковского горсовета П.С. Ерченко, школьный инспектор Унечского района М.В. Недбай, директор школы А.И. Каханский (д. Корецкий завод Гордеевского района), учителя Н.Т. Анищенко (с. Манюки Новозыбковского района), А.И. Лукьяненко (с. Ширки Красногорского района), П.И. Величко (с. Хоромное), Ф.П. Кабанов (с. Крапивна), А.Н. Турок (с. Сачковичи) – трое последних работали в Климовском районе.

Помимо рабочих, служащих, представителей интеллигенции, "расстрельные" приговоры по одиночным делам получили также многие колхозники и крестьяне-единоличники. Примеры из числа первых: братья Д.М. и И.М. Зайцевы (с. Серовка Злынковского района), И.Я. Ковалев (с. Пьяный Рог Почепского района), Ф.Л. Коновалов (с. Селечня Суземского района), И.Ф. Коротченко (с. Суворово Погарского района), Н.Г. Кочергин (с. Фошня Жуковского района), С.А. Матюшин (д. Орменка Выгоничского района), И.И. Мотин (с. Акуличы Клетнянского района), Г.В. и Д.И. Сафроновы (д. Шаховка Рогне-

динского района); из числа вторых: М.В. Жуков (с. Старая Гута Унечского района), М.С. Мазнев (д. Тростная Комаричского района), Е.Г. Менячихин (д. Мареевка Дубровского района), А.И. Попов (с. Душатин Суражского района), М.К. Сидоренков (с. Городище Брянского района), С.А. Тарусов (с. Одрино Карачевского района) и т.д. Встречались среди осуждённых к ВМН и председатели колхозов (С.К. Карпачев из д. Черный Ручей Гордеевского района, Ф.П. Кузнецов из д. Прилепы Дубровского района), и рабочие совхозов (А.Л. Пенязь из с. Душкино Клинцовского района), и даже домохозяйки (Е.Г. Белоусова из Злынки).

Мотивы жестоких карательных мер были чаще всего не в надуманных "контрреволюционных" действиях, а в стремлении властных структур свести счёты с людьми, пытавшимися хотя бы в чем-то сохранить личную "автономию" и поступать не по указаниям "верхов", а по голосу собственной совести. К примеру, упомянутый С.К. Карпачев был организатором и председателем колхоза, пользовался уважением односельчан, но в 1937 г. "выдал зерно нового урожая в первую очередь колхозникам, потом стал выполнять госпоставки", что было расценено как антиколхозная деятельность и вредительство, хотя сделано это было "не из враждебных намерений, а потому, что у колхозников не было хлеба"¹. Директор школы А.И. Каханский осмелился выразить возмущение по поводу ареста друга "абсолютно ни за что"². Оба поступка вполне объяснимы и оправданы с позиций человеческой порядочности, но их оценка властью – расстрел.

С особой беспощадностью репрессивная машина ломала жизни священников и других церковников, именуемых обычно в делах "служителями религиозного культа". Помимо уже называвшихся крупных групповых дел, большое количество священнослужителей проходило по делам одиночным или малых групп, и приговоры, как правило, были "расстрельными". Вот некоторые из священников, осуждённых к ВМН в последние месяцы 1937 г.: о. Сергей Космодамианский – Тихвинская цер-

¹ Д. 129, л. 68.

² Д. 117, л. 102.

ковь в г. Брянске, о. Григорий Морозов – г. Карачев, о. Иоанн Китович – г. Новозыбков, о. Антоний Соболев – п. Алтухово Навлинского района, о. Николай Богоявленский – с. Княвичи и о. Феодор Яковлевский – с. Высокое Жирятинского района, о. Иоанн Никольский – с. Нарadowка Дубровского района, о. Георгий Комиссаров – с. Лубошево и о. Матвей Воинов – с. Глядино Комаричского района, о. Иоанн Боровиков – с. Баклань Почепского района, о. Лев Тополь – с. Городище Погарского района, о. Григорий Рубан – с. Осколково, о. Михаил Лисовский – с. Нижнее и о. Сергей Козьминский – с. Дохновичи Стародубского района, о. Климентий Шутов – с. Красновичи Унечского района, о. Сергей Головачевский – с. Шумарово Мглинского района, о. Феодор Лебедев – с. Туросна Клинцовского района, о. Константин Полегонько – с. Николаевка Красногорского района, о. Николай Красногорский – с. Новый Ропск Климовского района, о. Анатолий Ковч – с. Денисовичи и о. Михаил Бекаревич – с. Добродеевка Злынковского района, о. Василий Виноградский – с. Новые Бобовичи, о. Леонид Щегловитов – с. Деменка, о. Николай Розанов – с. Старый Кривец, о. Павел Бугаевский – с. Верещаки и о. Порфирий Федотенко – с. Синий Колодезь Новозыбковского района.

Не всегда спасал и отказ от религиозной деятельности. Бывшие священники Ф.Е. Торлин (позже – врач в Новозыбкове), С.И. Чаусов из г. Трубчевска (перед арестом – сцепщик в транспортном цехе завода "Красный Профинтерн"), уроженец с. Кашово (Жирятинский район), перед арестом работавший бухгалтером Унечского леспромтоварищества И.П. Томашевский, Е.Н. Крыловский из с. Стригово Почепского района (позже – колхозник), В.В. Митропольский из с. Кабаличи Брянского района, занимавшийся извозом на собственной лошади, – все они также попали в число расстрелянных.

Ещё большее количество жителей Брянщины было осуждено по политическим обвинениям к длительным лагерным срокам. В числе осуждённых было немало руководителей среднего звена, выдвинувшихся уже при советской власти. Но и среди этих лиц искали и находили "врагов", чаще всего – "вредите-

лей".

Один из примеров – дело директора Красногорского рай-промкомбината С.Н. Лукьянова. Выходец из середняков с. Колюды, он организовал машинное товарищество, которое в 1929 г. вошло в колхоз, председателем которого С.Н. Лукьянов был в течение пяти лет, затем был выдвинут на должность председателя сельсовета и, наконец, – директора РПК. Но ложные свидетельские показания сделали свое дело, и жизнь С.Н. Лукьянова оборвалась в лагере в 1942 г. Тот же набор обвинений (вредительство, антисоветская и антиколхозная агитация), та же мера наказания (10 лет лагерей) были определены ещё одному из местных руководителей Красногорского района – Д.Г. Протасову, родившемуся в с. Перелазы, работавшему председателем Колюдовского сельсовета, а затем – председателем колхоза в с. Лотакки.

Вообще председательская должность в колхозах того времени была не только беспокойной, но и опасной. Легко было в чем-то не угодить начальству, нажать недоброжелателей среди колхозников, а хозяйственные трудности всегда могли стать поводом для обвинения во вредительстве. Поэтому среди репрессированных в последние месяцы 1937 г. оказалось немало председателей колхозов: Д.Ф. Астахов из д. Заустье и П.И. Демидов из д. Старое Колышкино Дубровского района, А.Е. Гончаров из с. Семки Мглинского района, И.И. Коробов из п. Заречье и И.А. Тюрин из с. Речица Жуковского района, И.К. Михалев из д. Высокое Рогнединского района, С.К. Семькин из с. Гапоново Севского района, Ф.В. Шлык из п. Мизиричи Клинецовского района, М.Т. Воронин из д. Севрюково Брянского района. Последний был бессменным председателем колхоза с 1932 г. по 1937 г., вывел его в передовые, но, активно укрепляя дисциплину, борясь с лодырями, пьяницами, расхитителями колхозного имущества, нажил недоброжелателей.

Из других лиц, получивших в конце 1937 г. лагерные сроки, заслуживают упоминания секретарь парткома торфопредприятия "Оболешево" И.М. Соловьев (Клинецовский район), преподаватель Клинецовского текстильного техникума Ю.К.

Пустовойтов, техник-лесовод Севского лесхоза К.И. Якубовский, технолог Дятьковского хрустального завода В.Э. Гурский, ст. землеустроитель Дубровского райзо В.П. Кулдыкин, дежурный по ст. Карачев В.И. Василевский, агроном Злынковской МТС А.Н. Телешко, машинист ст. Унеча Г.К. Кондратенко, кинемеханик М.В. Макеенко (п. Климово), главный бухгалтер Дубровского отделения Госбанка Б.Ю. Чертков, колхозник, один из организаторов колхоза в с. Старый Вышков (Новозыбковский район) Л.Г. Выкочко, учителя Н.А. Ефименко (Струговобудская школа Гордеевского района), Д.В. Лавочкин (Рябчевская школа Трубчевского района), В.Л. Лобанов (Вьюковская школа Суражского района), П.Ф. Сазонов (Тимоновская школа Брянского района), учительница школы рабочей молодежи П.П. Дроздова и медсестра К.А. Понизовская (обе из Клинцов), директора школ И.С. Ладнюк (с. Кистер Погарского района) и Г.И. Сысоев (п. Ржаница Жуковского района), а также многие другие. Ложные показания на директора Ржаницкой школы дал его коллега, сам стремившийся стать директором; доносы на И.С. Ладнюка, пользовавшегося доверием односельчан, избравших его председателем ревизионных комиссий в колхозе и сельпо, были написаны прежними руководителями, снятыми с работы за злоупотребления, вскрытые после проведенных ревизий.

К сожалению, никаких публикаций об общем количестве жителей Брянщины, репрессированных в 1937 г. (как, впрочем, и в другие годы), не появилось, но представить себе это число всё-таки можно. На территории Орловской области с 5 августа по 27 декабря 1937 г. было осуждено по политическим делам 17015 человек, из них по г. Брянску – 1083, по г. Новозыбкову – 990, по г. Клинцы – 796, по г. Орджоникидзеграду – 692, по Карачевскому району – 447, по Дятьковскому району – 375 (эти шесть городов и районов входили в первую десятку по количеству репрессированных в Орловской области)¹. Если к этому добавить 1132 человека, осуждённых "тройкой" по Орловской области 28-29 декабря, то окажется, что только за август-декабрь

¹ Реквием. Книга памяти... Т. 1. – Орёл, 1994. – С. 10.

1937 г. в области было репрессировано свыше 18 тысяч человек,¹ из которых на Брянщину приходилось, вероятнее всего, более 10 тысяч.

Если последняя декада 1937 г. была для "тройки" по Орловской области временем "штормовщины" (было осуждено свыше 3,7 тысяч человек, из них свыше 900 – к ВМН), то начало 1938 г. оказалось значительно спокойнее. Крупный московский политический процесс (над Н.И. Бухариным, А.И. Рыковым и другими) уже не сопровождался отголосками на местах. Более того, в январе 1938 г. в решении Пленума ЦК впервые было сказано о коммунистах-карьеристах, которые, применяя "огульные репрессии", сеют "излишнюю подозрительность".

Движение маховика репрессий замедлилось, но окончательного изменения ситуации ещё не наступило. Об этом свидетельствует хотя бы такой факт: все 315 осуждённых в феврале 1938 г. "тройкой" по Орловской области получили ВМН². Среди них было немало жителей Брянщины.

В их числе оказалось восемь человек из Клинцов, в основном – местные уроженцы, являвшиеся служащими или хозяйственниками. Так, М.В. Марков работал начальником отдела капитального строительства фабрики им. Октябрьской революции, Д.Г. Петухов – прорабом стройотдела Клинцовского суконого треста, М.М. Курочкин – инспектором горфинотдела и т.д. Ещё в 1930-1931 гг. пятеро из них арестовывались и обвинялись в создании контрреволюционной офицерской организации, но доказательств вины не нашлось и дело было прекращено. Хотя позже никаких новых "прегрешений" с их стороны не проявилось, в конце 1937 г. о деле вспомнили и, усилив формулировку ("диверсионно-террористическая группа"), подвели всех участников "группы" под расстрел.

Но большинство февральских "расстрельных" дел были одиночными. Например, житель с. Лопушь (Выгоничский район) К.Г. Лысов работал зав. пунктом "Заготлен", пользовался

¹ Реквием. Книга памяти... Т. 3. – Орёл, 1996. – С. 50.

² Там же. – С. 50-51.

авторитетом среди односельчан, избравших его в ревизионную комиссию колхоза. В ходе проверки К.Г. Лысов вскрыл злоупотребления председателя колхоза, который был освобожден от работы и "отплатил" ложными показаниями на своего "обидчика". Основная же часть подобных дел была просто сфальсифицирована работниками НКВД. Так, рабочий завода "Красный Профинтерн" И.Г. Захаров был объявлен ими сыном кулака, хотя в реальности его отец являлся членом ВКП (б), а к кулакам можно было отнести лишь его деда, владевшего ветряной мельницей, но и та была своим владельцем добровольно передана в колхоз. Сам же И.Г. Захаров отнюдь не занимался антисоветской пропагандой, а был активным комсомольцем, не раз премиривался за стахановскую работу. В числе расстрелянных в феврале 1938 г. были рабочие бежицких заводов П.И. Горшечников, А.И. Корнеев, отец и сын Г.Ф. и Е.Г. Рассоловы, диспетчер ст. Брянск-II В.И. Кудинов, экспедитор Дятьковского хрустального завода А.Н. Дмитриевский, счетоводы А.П. Ласкавый (ст. Унеча) и Д.И. Чернов (Новозыбковский пищекомбинат), колхозный пчеловод из с. Дубровки Суражского района И.З. Арефин и многие другие.

Большое количество дел, подготовленных на местах, затем рассматривалось Особым совещанием при НКВД. Приговоры по ним были, как правило, заметно мягче: 5-10 лет лагерей. Значительный процент из числа осуждённых Особым совещанием в 1938 г. составляли выходцы из соседних с Советским Союзом государств (Польша, Литва, Латвия, Эстония), а также немцы и, отчасти, белорусы. Эта же тенденция стала очень заметной и в приговорах "тройки" по Орловской области осенью 1938 г. (весной-летом она, к счастью, практически бездействовала). В числе осуждённых на 5, 8 или 10 лет лагерей оказались поляки Э.И. Маевский, Р.А. Петровский, И.Ф. Ястржемский (все они работали в депо ст. Жуковка), кузнец Брянского завода им. Кирова И.С. Жарняк, преподавательница пения Р.Э. Скиргелло из Новозыбкова; латыши Г.Г. Лемеш, К.М. Шварц (шоферы Клетнянского лесокомбината, оба погибли в лагерях), машинист экскаватора Олсуфьевского железнодорожного карьера (Жуков-

ский район) Ю.К. Петерсон, зав. Почепским райзо Э.И. Рудзит, директор Чуровичской МТС (Климовский район) К.П. Симобредис, зав. складом в Брянске И.А. Абель (уроженец с. Новоселки Брянского района); белорусы Е.М. Кунторос, мастер Клинцовской фабрики им. Ленина, и В.И. Родоман, главный бухгалтер Жуковского шпалопропиточного завода; литовец И.И. Норейко, механик Новозыбковской электростанции; немец А.Г. Герман, мастер Бежицкого сталелитейного завода, и т.д. Были среди лиц этой категории и приговоренные к ВМН: эстонцы У.И. Клейн, рабочий завода "Красный Профинтерн", и М.И. Рейтов, счетовод колхоза в д. Удолье (Трубчевский район); латыш А.Я. Миллис, тракторист Дубровской МТС; поляк П.П. Рацько, экспедитор Унечского крахмалопаточного комбината; немец Е.Е. Классен, зав. лабораторией фабрики им. Дзержинского в Клинцах, а также главный бухгалтер Навлинского райпотребсоюза П.М. Никитин и ветфельдшер в Погаре Ф.Ф. Степанов, оба русские, но родившиеся соответственно в Ковно и Риге и поддерживавшие связь со своими родственниками за границей. Стандартными обвинениями для большинства были антисоветская пропаганда, восхваление порядков в буржуазных странах, иногда – шпионаж в пользу иностранных государств.

Среди репрессированных в 1938 г. были, естественно, не только "иностранцы", но и другие "враги народа". В их число попали преподаватель Новозыбковского сельхозтехникума П.З. Босьяк, военрук Клинцовского текстильного техникума А.В. Князев, адвокат при Погарском нарсуде Е.С. Руденок, директор школы в с. Дубровка Новозыбковского района В.А. Пыленок, учительницы школ г. Новозыбкова Б.А. Слоним-Хазанова и Е.С. Хмельницкая и многие другие.

И всё же с ноября 1938 г. перелом в ситуации наметился окончательно. Были распущены "тройки", практически бесконтрольно проводившие "массовые чистки". Резко сократилось количество дел по политическим мотивам. Если в 1937 г. только в октябре-декабре в Орловской области было осуждено по 58 статье свыше 13,3 тысяч человек (из них 3247 – к расстрелу), в 1938 г. число осуждённых составило около 3,3 тысяч человек (из них

797 – к ВМН), то за 1939-1940 гг. было осуждено 1830 человек (из них расстреляно четверо)¹. С 1939 г. начали пересматриваться многие прежние дела и была освобождена часть ранее осуждённых. Одновременно немалое количество работников НКВД было либо осуждено, либо уволено, но вряд ли правомерно рассматривать это как законное возмездие за массовую фальсификацию дел, за применение недозволенных методов ведения следствия и т.п. В НКВД шла смена одной "команды" (Н.И. Ежова), сделавшей свое "грязное" дело и на которую теперь можно было списать все "перехлесты" репрессий, новой "командой" (Л.П. Берии), при которой нарушения законности не прекратились совершенно, но стали значительно менее масштабными. На местах также убирались наиболее одиозные фигуры. В частности, были осуждены и расстреляны бывший начальник Управления НКВД по Орловской области П.Ш. Симановский, бывший начальник Новозыбковского отдела НКВД А.К. Русских, ещё несколько лиц; немало начальников, следователей и других работников райотделов НКВД получило лагерные сроки.

Однако и после ликвидации "ежовых рукавиц" основная часть безвинно осуждённых продолжала свое лагерное пребывание вместе с действительными преступниками из уголовного мира, а пересмотр дел носил далеко не полный и не до конца объективный характер.

К примеру, в 1937 г. в Севске были арестованы председатель райисполкома М.П. Кондратенко и 5 ведущих специалистов сельского хозяйства района, которых обвинили во вредительстве. К счастью для обвиняемых, дело рассматривалось не "тройкой", а Орловским областным судом, по приговору которого в ноябре 1937 г. М.П. Кондратенко и ещё трое были приговорены к ВМН, а двое получили 10 и 15 лет лагерей. Однако коллегия Верховного Суда РСФСР отменила этот приговор, направив дело на доследование. К числу обвиняемых был добавлен бывший первый секретарь Севского райкома партии Д.Х. Вол. В

¹ Там же. – С. 49.

конце концов решением Особого совещания при НКВД в октябре 1940 г. двое "вредителей" были оправданы, Д.Х. Вол и М.П. Кондратенко осуждены на срок их фактического предварительного заключения и также освобождены, а трое специалистов-ветеринаров получили по 8 лет лагерей.

Главной фигурой дела о "контрреволюционной эсеровской группе" в Карачеве был учитель местной школы Н.И. Ходотов, вместе с которым в сентябре 1937 г. было арестовано ещё пять человек. Поскольку дело было "липовым", подготовка материалов по нему затянулась и лишь в мае 1939 г., когда волна репрессий пошла на спад, участники мифической "группы" были осуждены Орловским областным судом на 5-10 лет лагерей. Верховный Суд РСФСР отменил это решение и направил дело на повторное рассмотрение, в ходе которого версия о контрреволюционной эсеровской организации отпала, а большинство прежних обвиняемых стали свидетелями. Лишь Н.И. Ходотов, являвшийся одним из руководителей местного отделения эсеровской партии в 1917-1918 гг., несмотря на непризнание своей вины и на благоприятные для него показания свидетелей, был в феврале 1940 г. осуждён Особым совещанием на 5 лет лагерей.

События 1937-1938 гг. оставили на Брянской земле горький след ещё и потому, что в числе репрессированных оказались многие уроженцы нашего края, которые в эти годы жили и работали за его пределами. Среди тех, чьи жизни оборвались в 1937-1938 гг., были и достаточно известные крупные партийные, советские, военные и хозяйственные руководители (Н.М. Голодед из д. Старый Кривец Новозыбковского района, М.А. Демичев из д. Куприно Карачевского района, П.Е. Дыбенко из с. Людков (ныне – часть г. Новозыбкова), А.Н. Медведев из Бежицы, Н.П. Чаплин из Рогнедино, а также длительное время жившие и работавшие на Брянщине Н.И. Иванов, Г.П. Киреев, Н.А. Кубяк), и отдельные видные деятели, до сих пор остающиеся почти не замеченными (например, начальник связи нескольких фронтов в годы Гражданской войны, работавший в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. начальником Военно-технического управления и Управления связи РККА, а с 1935 г. – зам. наркома

связи СССР Николай Михайлович Синявский, родившийся в 1891 г. в Брянске и расстрелянный в 1938 г.)¹, и многие другие наши земляки.

Были в их числе и старшие офицеры (уроженец с. Княжичи Жирятинского района полковник Н.П. Рогожин, начальник штаба механизированной бригады; уроженец с. Авчухи (ныне с. Верхнее Брасовского района) Я.А. Локтюшин, начальник штаба одного из полков на Дальнем Востоке), и руководящие работники на производстве (уроженец Суража Г.Р. Глезер, директор танкостроительного завода №104; его земляк Т.М. Коржиков, начальник строительства завода "Карболит" в г. Орехово-Зуево Московской области; уроженец Бежицы К.В. Жаков, начальник технического отдела Тульского оружейного завода; уроженец с. Телятниково Брасовского района И.М. Богоявленский, старший бухгалтер завода "Главлегмаш" в Орле), и представители интеллигенции (молодой талантливый поэт В.Ф. Губарев из Новозыбкова, живший последние годы на Южном Урале; родившаяся в Карачеве сотрудница музея П.А. Кропоткина в Москве А.А. Солонович; уроженец с. Журавка Навлинского района С.А. Духанов, зав. Ливенской межрайонной ветбаклабораторией в Орловской области; уроженец с. Ревны того же района А.Д. Добродеев, работавший учителем в Орле; его коллега по работе и жительству И.В. Преображенский из с. Ямное Суземского района), и многие другие.

Особенно велико среди расстрелянных земляков число священнослужителей. Вот лишь те из них, кто жил до 1937 г. на территории Орловской области, исключая Брянщину: о. Иосиф Боголюбский из Брянска, о. Андрей Максаков из с. Авчухи Брасовского района, о. Павел Мезенцев из Выгонич, братья о. Александр и о. Порфирий Преображенские из с. Шарово, о. Михаил Езерский из с. Бобрик и о. Павел Турбин из с. Евдокимовки Комаричского района, о. Иоанн Рождественский из с. Княгинино и

¹ Черушев, Н.С. Удар по своим. Красная Армия 1938-1941 гг. / Н.С. Черушев. – М., 2003. – С. 69.

о. Федор Болотов из с. Хвощевки Севского района¹. В этот список, конечно, далеко не полный, необходимо внести также расстрелянного в 1937 г. в Карагандинском концлагере и причисленного к лику священномучеников епископа Стародубского Дамаскина (Дмитрия Дмитриевича Цедрика), ранее неоднократно арестовывавшегося и судимого (в т.ч. – в Стародубе в 1930 г.)².

В заключение приходится признать, что за последние годы всё слышнее голоса тех, кто пытается взять своеобразный "реванш" и пересмотреть сложившиеся оценки истории России в советское время (включая 1930-е гг.), вернувшись по сути к схеме "Краткого курса истории ВКП (б)". Под пером этих авторов трагические события 1937-1938 гг. рассматриваются либо как результат "перехлестов" в деятельности органов НКВД при Н.И. Ежове, либо как "очищение" партии и страны от тех теоретиков и пропагандистов "мировой революции", которые так и не научились быть хорошими организаторами и хозяйственниками, превратившись во вредный балласт (отдельные из авторов делают упор на "очищении" партийно-государственного аппарата от еврейского элемента, как необходимом условии перехода от политики интернационализма к патриотической линии), либо даже ставят эти события в прямую заслугу И.В. Сталину, уничтожившему будущую "пятую колонну" накануне войны. Ориентируясь на значительную часть россиян, которая испытывает глубокую неудовлетворенность современным состоянием страны и общества, массовыми проявлениями произвола, коррупции, преступности и т.п. и определённую ностальгию по "сильной руке", способной остановить подобный разгул, эти авторы вновь поднимают на щит "великого вождя" И.В. Сталина и громят как "врагов России" его политических противников и оппо-

¹ Сведения об уроженцах Брянщины, репрессированных за её пределами, см.: История Брянского края. XX век. / под ред. В.В. Крашенинникова. – Клинцы, 2003; Расстрельные списки. Т.1. Донское кладбище. – М., 1993; Реквием. Книга памяти... Тт. 1-3.

² Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 7. / игумен Дамаскин (Орловский). – Тверь, 2002. – С. 388-389; Пуцко, В.Г. Глуховский епископ Дамаскин / В.Г. Пуцко // Моск. журн. – 2002. – № 10. – С. 45-50; Д. 195, л. 253.

нентов. К такой позиции оказываются близки и ортодоксально мыслящие коммунисты, и "патриоты"-монархисты, и даже пресловутый В. Суворов.

В плену подобной односторонней логической схемы оказался и такой яркий и эрудированный мыслитель, как В.В. Кожинов. Изданная посмертно его книга "Правда сталинских репрессий" (вызывающим является само её название) содержит немало любопытных фактов, стилистически острых формулировок и внешне убедительных логических построений, но является, к сожалению, не объективным трудом историка-профессионала, а скорее работой исторического публициста, увлечённого собственной интерпретацией событий.

Главный недостаток книги В.В. Кожинова в характеристике событий 1937-1938 гг. – преимущественное внимание "делам" верхушечных слоев партийной, советской, военной, чекистской, культурной и прочих "элитарных" групп, а не скрупулёзное рассмотрение материалов по основной массе репрессированных. Это привело автора к глубоко ошибочному выводу, что " в 1937 г. "мишенью" были те, кто располагал какой-то долей политической или хотя бы идеологической власти – прежде всего члены ВКП (б)" и что "исходя из этого уместно говорить о тогдашней "трагедии партии", но не о "трагедии народа"¹.

Приведённые ранее многочисленные примеры о составе репрессированных на Брянщине, а также аналогичные данные по Орловской, Смоленской областям и другим территориям опровергают главный вывод В.В. Кожинова. Репрессии 1937-1938 годов стали настоящей "трагедией народа", а не только основной части его прежних руководителей. Простые крестьяне, рабочие, служащие, трудовая интеллигенция составляли подавляющее большинство репрессированных в то время. Можно попытаться объяснить эти репрессии, но нельзя ради обеления "великого вождя советского народа" их оправдывать.

Несомненно, что фигура такого крупного политического деятеля как И.В. Сталин заслуживает пристального внимания,

¹ Кожинов, В.В. Правда сталинских репрессий / В.В. Кожинов. – М., 2005. – С. 411 - 412.

но не апологии, граничащей с идолопоклонством, а объективного изучения, без передёргивания и фальсификации фактов, без умолчания о трагической ломке судеб миллионов наших сограждан, в т.ч. – десятков тысяч жителей Брянщины, на себе испытавших репрессии сталинского времени. Молчать об этом – значит соглашаться с совершёнными преступлениями.

А. А. Чубур,
д.и.н, проф. РАЕ, доцент Брянского
государственного университета
им. акад. И. Г. Петровского

Археология брянской земли и политические репрессии коммунистического режима

*Это время не следовало бы
вычеркивать из социальной
памяти. Самое глупое, что
мы можем сделать, - это по-
скорее забыть о нем; самое
малое – помнить об этом
времени, пока семена его не
истлели.*

Борис Стругацкий

Трудно даже приблизительно представить, какой урон большевистский режим нанес отечественной науке, в особенности – ее гуманитарному направлению. Непоправимый ущерб понесла и такие далекие от политики науки, как археология и геология. Это прекрасно видно на примере судеб многих исследователей далекого прошлого Брянской земли, как наши земляки, так и ученые из других городов.

С «легкой руки» журналистов принято считать пиком большевистского террора 1937-38-й годы. Однако репрессии начались уже с момента создания коммунистической системы. Одно из самых ранних «дел», сфабрикованных ЧК - дело Клуба

русских националистов в Киеве. По спискам Клуба Киевская ГубЧК арестовала 13.05.1919 около сорока его членов. Среди схваченных оказался Петр Яковлевич Армашевский (1851-1919) - геолог, минералог, петрограф, доктор геолого-минералогических наук, профессор, действительный член Киевского общества естествоиспытателей, Санкт-Петербургского и Французского минералогических обществ. В 1872 г. он окончил Киевский Университет, в 1885-1905 гг. заведовал в нем кафедрой петрографии и минералогии и проводил геологические исследования, в том числе в Подесенье и на памятниках палеолитической эпохи, работал над картированием Юга России. Старик-ученый был без суда, по заключению следователя, зверски убит 22.05.1919. В 1919 г. в некрологе В. И. Вернадский писал: "Жертвой преступников законов Божьих и человеческих суждено было погибнуть Петру Яковлевичу. Нельзя забывать этого преступления. Не чувство мести оно должно вызвать в нас, но стремление к нравственному возрождению, духовный подъем в борьбе против возвращения пережитого ужаса" (Вернадский, 1990). Но ужас был еще впереди.

В 1929 г. И. В. Сталин взял курс на подавление остатков свободомыслящей интеллигенции, не уничтоженной в кровавый период «военного коммунизма». Наступил «год великого перелома». Началась глубинная бюрократизация всей общественной жизни. В этих условиях краеведческое движение не вписывалось в систему, и было обречено. Музеи на новой волне борьбы с религией начали избавляться от икон и церковной утвари (в том числе имевших художественную и историческую ценность), иные экспонаты, не отвечавшие новой идеологической направленности также нещадно выбрасываться. На I Всероссийском музейном съезде в Москве (1930) марксисты призвали «очистить музеи не только от хлама старинных вещей, но и от человеческого хлама» (Сообщения ГАИМК, 1931-№3). Под «хламом» подразумевалась интеллигенция дореволюционной заправки. Гонениям на краеведение и археологию был дан официальный старт (Чубур, 2005).

Поначалу специалистов просто увольняли. Создатель и первый директор Трубчевского краеведческого музея умный, высокообразованный энтузиаст-археолог и естествоиспытатель Г. Ф. Поршняков в 1930 г. был отстранен от работы, а затем репрессирован (Поляков, 2004). Пришедшие на смену «идеологически подкованные» невежды разворовали картины, книги, экспонаты. «Музей опустел настолько, что один из «проверенных» директоров сушил постоянно в нем сети – предмет главной своей деятельности» (Падин, 1991). Лишь в 1936 г. в музей вдохнул жизнь энтузиаст В. П. Левенок.

Создатель и директор Брянского музея С. С. Деев был на хорошем счету, с его мнением считались в Главнауке и центральных музеях страны. Он неоднократно выступал на солидных научных симпозиумах. Однако он допустил непростительные с точки зрения правящего режима деяния, пытаясь в докладных записках обратить внимание властей на бедственное состояние бывших монастырских архивов. В итоге в 1930 г. и Деева уволили с поста директора Брянского объединения музеев, вспомнив и о его непролетарском происхождении и о его чиновничьем прошлом в царской России. Парадокс, но несправедливое увольнение спасло Деева от репрессий. До Отечественной войны он, бросив науку, преподавал в Брянском строительном техникуме, ничем особым себя не проявляя, а скончался в эвакуации в Казахстане в 1943 г.

Весной 1929 г. в Москве состоялся диспут между археологами-марксистами и палеоэтнологами. Это была первая попытка разрушить прежнюю археологическую школу. Марксисты объявляли все иные подходы вредными для советской науки. В числе «вредителей-палеоэтнологов» оказался талантливейший профессор МГУ, величина международного масштаба – Борис Сергеевич Жуков, (01.12.1892-23.05.1933) исследовавший в 1926-1927 гг. открытую С. С. Деевым Супоневскую стоянку под Брянском (Чубур, 2003). Это был его последний выезд на международный симпозиум. Вскоре он, в числе более чем 150 видных историков, археологов, филологов и искусствоведов страны, был арестован по инспирированному по заданию ЦК

ВКП(б) «Академическому делу» о заговоре ученых с целью свержения Сталина и его окружения мифическим «Всенародным союзом борьбы за возрождение свободной России». В истории репрессий против науки оно занимает особое место. К моменту, когда оно возникло в недрах ОГПУ, процесс огосударствления и идеологизации науки достиг пика. «Академическое дело» призвано было окончательно сломить сопротивление научной интеллигенции антидемократическому переустройству академии и открыть дорогу в нее партийной бюрократии (Академическое дело, 1993; Перченко, 1995). Б. С. Жукова признали членом Московского центра мифического подполья. Судебного разбирательства, даже закрытого, не было. Целый ряд работ Жукова остался неизданным, типографский набор первого тома трудов его Ветлужской экспедиции был рассыпан. Сам Б. С. Жуков умер в концлагере на Алтае г. Лишь 4.04.1959 г. он реабилитирован посмертно. Среди учеников Б. С. Жукова были такие выдающиеся исследователи, как О. Н. Бадер, М.В. Воеводский, А. Е. Алихова, Г. Ф. Дебеч и другие, они продолжили его дело, но заменить собой не смогли – любой талант неповторим в принципе (Чубур, 2005-в).

Год 1930-й оказался тяжелым и для профессора В. А. Городцова, который вел раскопки Тимоновской стоянки на окраине Брянска. Ряд фигурантов «Академического дела» дал показания, что его, якобы, «много обижали по службе», он «бывший военный», вокруг него «группируется много молодежи» (имелся в виду археологический кружок). Но профессор не был арестован именно благодаря молодежи, с которой он занимался археологией. Многие из «кружка Городцова» входили и в Общество историков-марксистов, председателем которого был инспирировавший и курировавший «дело» М. Е. Покровский (Формозов, 1998). В итоге Городцов «всего лишь» потерял службу и в МГУ, и в Историческом музее, и в Российской ассоциации институтов общественных наук как «белогвардеец» и «буржуазный ученый». Публично отрекся от Городцова его ученик А. Я. Брюсов (Формозов, 1999). Но в ситуации, когда бывшего офицера могли ждать лагерь и даже пуля в подвалах ГПУ, он 20.08.1930 само-

отверженно заявил в письме ГАИМК, что собирается продолжать работу в Тимоновке, и подал смету на раскопки (Архив ИИМК РАН, ф.2, оп.1, 1930, д.166). Через год власть «простила» старика, дозволив вернуться к работе. В 1938 г., дабы избежать новых гонений, Городцов в возрасте 77 лет был вынужден вступить в ВКП(б). Это не запоздалое прозрение: партбилет для большинства стал теперь индульгенцией и «пропуском в карьеру». В последнем, правда, ученый такого масштаба, как Городцов, не нуждался. Он продолжал педагогическую и научную работу, и, как и ранее, пользовался любовью и уважением студентов и аспирантов. Его же истинное отношение к «красной» диктатуре, растоптавшей миллионы судеб, красноречиво показывают такие обстоятельства: в 1944 г. при поддержке В. А. Городцова в МГУ защитили свои диссертации вернувшиеся из лагерей репрессированные археологи К. Э. Гриневиц и А. С. Башкирев. После поступка, достойного русского офицера, 84-летний тяжело больной ученый окончательно покинул пост профессора МГУ.

В 1933 г. с группой коллег был арестован участник экспедиции Городцова – выпускник МГУ (1917), геолог Мосгеолуправления Борис Митрофанович Данышин (1891-1941). Он категорически отказался подписать в ГПУ сфабрикованное обвинительное заключение и случилось невиданное: Данышин был освобожден из под стражи. Однако пережитое все же повлияло на его судьбу – уже после защиты кандидатской диссертации (1938), работы в вузах Москвы и в комиссиях по сооружению Московского метрополитена и канала Москва-Волга он скоропостижно скончался на строительстве оборонительных сооружений в июне 1941 г. – не выдержало сердце.

В Беларуси по сценарию аналогичному «Академическому делу» начало фабриковаться дело «Союза освобождения Белоруссии». Весной-летом 1930 г. арестовали большую группу деятелей науки и культуры, сотрудников Наркомзема и Наркомпроса. Только в Белорусской Академии наук взяли более 30 человек. Одним из них оказался ученый, без имени которого трудно теперь представить четвертичную геологию и археологию па-

леолита в верхнем Поднепровье – Гавриил Иванович Горецкий (10.04.1900-20.11.1988). Впрочем, для Горецкого это был не первый арест. Гавриил, родившийся в крестьянской семье д. Мал. Богатьковка Могилевской губ., учился в Горы-Горецком землемерно-агрономическом училище (1914-1919), а затем в Сельхозакадемии им. К. А. Тимирязева (1920-1924). Уже осенью 1920 г. он был арестован за несвоевременную явку из-за границы. Второй арест 31.08.1922 в связи с участием в деятельности Белорусской культурно-научной ассоциации студентов-петровцев. На этот раз заключение ограничилось 17 днями, но обучение в СХА разрешили закончить только при условии выхода из ассоциации. С 1925 г. он доцент Белорусской СХА, в 1927-1930 – директор Белорусского НИИ сельского и лесного хозяйства им. В. И. Ленина при СНК БССР, вошел с 1928 г. в первый состав Белорусской АН, где руководил кафедрой размещения народного хозяйства. Был членом ЦИК БССР (1929-1930). Третий арест произошел в Новороссийске 24.07.1930 по делу «Трудовой крестьянской партии». Совнарком БССР 06.12.1930 постановил исключить из состава БелАН Г. И. Горецкого и еще ряд ее членов, лишив их звания академиков «в связи с выявлением враждебной контрреволюционной деятельности группы академиков Белорусской Академии наук, деятельность которых была направлена против диктатуры пролетариата и на срыв успешного социалистического строительства». К моменту принятия этого решения правительством республики ученые находились в предварительном заключении, то есть полностью была попорана презумпция невиновности. Сфабрикованное государством обвинение гласило, что Горецкий состоял мифической контрреволюционной организации «Саюз вызвалення Беларусі», якобы ставившую целью отторжение Белоруссии в этнографических границах от Советского Союза и создания так называемой Белорусской народной республики. По постановлению внесудебного органа от 06.06.1931 по ст. 58-6, 7, 11 УК РСФСР Г.И. Горецкий был приговорен к высшей мере наказания, замененной затем 10 годами лагерей, и этапирован в Карелию. В августе-сентябре 1931 г. он коробочник в картонажном

цехе г. Кемь, затем рабочий геологической базы Ленразведтреста; в 1932 переведен в горно-геологический отдел Беломорканала. Работал в Карелии, а с января 1934 г. – на Кольском полуострове. 6 октября 1934 г. был досрочно освобожден, продолжил работу в системе НКВД как вольнонаемный (Рыбинск, Карелия). Но злключения на этом не закончились. Горецкий был вновь арестован в Медвежьей Горе в конце октября 1937 г. и выпущен только в конце декабря. Пятый раз он там же находился в заключении с 8 мая 1938 г. по 22 июня 1939 г., испытал пытки, карцер, был повторно приговорен к расстрелу, но чудом выжил (Возвращенные... 1992).

В 1941-42 гг. он – главный геолог оборонных работ во Ржеве и в Череповце. С 1943 по 1968 гг. – зам. главного геолога и главный геолог в НИИ «Гидропроект», защитил кандидатскую (1945) и докторскую (1946) диссертации. Был реабилитирован 22.04.1958 военным трибуналом Белорусского военного округа. Много сил отдал реабилитации погибшего в заключении брата М.И. Горецкого и публикации его литературного наследия. В июле 1965 г. был восстановлен в звании академика. С 1969 по 1985 г. зав. отделом геологии и палеонтологии антропогена Института геохимии и геофизики АН БССР. Кавалер ордена Октябрьской Революции, двух орденов Трудового Красного Знамени, награжден медалями, лауреат госпремий СССР и БССР, заслуженный деятель науки БССР. Основные научные исследования Г. И. Горецкого посвящены геологии антропогена и инженерной геологии. Был председателем Комиссии по изучению четвертичного периода при АН СССР. Он разработал основы отечественной палеопотамологии - науки о реках прошлого; исследовал долины Пра-Волги, Пра-Оки, Пра-Камы, Пра-Днепра и др. Участвовал в исследовании таких широко известных памятников Деснинского палеолита, как Хотылево 1 и Юдиново, работал совместно с Ф. М. Заверняевым.

Ясно, что обвинения вроде тех, что были предъявлены Жукову, Горецкому и многим другим в абсолютном большинстве случаев были беспочвенны, а признания заключенных вырывались с помощью пыток. Вместе с тем нельзя не отметить, что

часто основанием для репрессий в отношении ученых служили прямые или косвенные доносы коллег. В обстановке тех лет даже научная рецензия, содержащая обвинения в «отступлении от марксистской методологии», могла стать поводом ареста.

С этой стороны в разгроме национальной белорусской науки, как ни странно, принял участие выпускник Смоленского отделения Московского археологического института (1922), кандидат исторических наук Александр Николаевич Лявданский (10.09.1893-27.08.1937), не один сезон проводивший исследования не только в Белоруссии, но и на Брянской и Смоленской земле. Его одиозные выступления обвиняли бывших коллег в собирании бесполезной церковщины, в попытках создания белорусской автокефальной церкви, в борьбе против диктатуры пролетариата. Ни за что пострадал даже смоленский историк архитектуры Хозеров – угораздило же заниматься древними храмами во время борьбы с поповщиной! Совершенно не вяжется эта травля белорусской науки с образом Лявданского, сохраненным его современниками: «Ученый-энтузиаст, жизнерадостный и обаятельный человек, он умел сплотить вокруг себя вокруг себя и молодежь, и людей старшего поколения и заразить их всех своей любовью к родной истории» (Памяти... 1964). Возможно, Александр Николаевич искренне верил в идеалы «новой археологии» и «нового времени»? Так или иначе, в 1931 г. Лявданский стал ученым секретарем Института Истории АН БССР, заведующим секцией археологии, вошел в партком института, стал доцентом Белорусского университета. Однако вскоре террор настиг и Лявданского, а заодно с ним нескольких талантливых его коллег. Он был арестован 19.05.1937 и по постановлению «тройки» от 25.08.1937 по ст. 63-1 «измена Родине», ст.70 «совершение террористических актов» и ст.76 «организационная антисоветская деятельность или участие в антисоветской организации» УК БССР приговорен к исключительной мере наказания и расстрелян в Минске. Реабилитирован 7 мая 1958 г. Военным трибуналом Белорусского военного округа (Возвращенные... 1992).

Вернемся к «Академическому делу». От него в ходе следствия отпочковалось дело №111212 «Краеведы», приведшее к аресту и последующим репрессиям 5 июня 1931 г. по ст. 58-10, 11 УК РСФСР краеведов из Воронежа, Ельца, Задонска, Старого Оскола, Липецка, Тамбова, Курска, Орла (Саран, 1998; Соболев, 2000). Брянск чаша сия по счастливой случайности миновала – он не относился уже к Центральному Черноземью. Краеведов обвинили в «монархическом заговоре» - распространенный приговор для людей с ярким дореволюционным прошлым. «Целями организации являлись: 1. Пропаганда монархических идей среди населения. 2. Создание контрреволюционных групп. 3. Использование научных учреждений для группировки контрреволюционных элементов. 4. Контрреволюционная работа среди учителей. 5. Контрреволюционная работа среди учащейся молодежи ВУЗов и средних школ. 6. Захват в контрреволюционных целях руководящих постов в научных обществах, музеях. 7. Установление связей с контрреволюционными организациями в городах СССР» (ВЦДНИ, ф.9353, оп.2, д.169676. Т.8, Л.84). И это несмотря на то, что краеведы на рубеже 1920-1930-х гг. чуть ли не каждый свой шаг согласовывали с властными партийно-государственными структурами. В 1933 г. почти все краеведческие общества в стране были закрыты, их издания уничтожались: чудом сохранилось несколько экземпляров организованного С.С. Деевым альманаха «Брянский край». С научным краеведением, наследовавшим традиции дореволюционного времени, в СССР было покончено. Лишь в Западной области теплился еще некоторое время очаг краеведческой археологии в лице бежицких краеведов Н. И. Лелянова и И. Е. Благодатского.

Игнатий Евстафьевич Благодатский (1883-1938) родился под Минском в крестьянской семье. Окончил в 1904 г. духовную семинарию и был направлен народным учителем в Ковенскую губ. В школе, во избежание проблем, сменил белорусскую фамилию Кòзел на благозвучную – Благодатский. С 1906 по 1913 г. работал в Царицыне в городских училищах и гимназиях, а потом переехал в Бежицу, став преподавателем начальных классов открывшейся мужской гимназии. До 1924 г. совмещал препода-

вательскую работу с постами в губотделе народного образования, а с 1930 г. стал преподавать в Бежицком институте транспортного машиностроения, в Комвузе и в средней школе №12 (Заверняев, 1985).

Николай Иосифович Лелянов (1893-1938) родился в г. Дорогобуж Смоленской губ. В 1914 г. он окончил Рославльскую мужскую гимназию, поступил на физмат Московского университета, но завершить образование не удалось. Увлеченная революционная деятельность в партии Социалистов-Революционеров. Эсеровское прошлое привело к тому, что большевики после службы в Красной армии в годы Гражданской войны сослали его в глубинку, не дав завершить образование и сделать карьеру в столице. Он долгое время работал учителем в Рогнедино и Дубровке и уже тогда Н. И. Лелянов занялся археологией Подесенья. Участвовал в раскопках под руководством Б. С. Жукова, где познакомился с коллегами из Брянска и Бежицы - И. Е. Благодатским и уже упомянутым нами С. С. Деевым. 20 июля 1927 г. с женой и сыном Лелянов переехал в г. Бежица, став преподавателем фабрично-заводской семилетки №1 и фельдшерского училища. В 1928 г. Лелянов профессионально провел археологическую разведку, шурфовал городища Зимницкая Слобода, Вщиж и Чашин курган (Архив ИИМК РАН, ф.2. оп. 1, 1928, д. 200). Николай Иосифович был необычайно образован. По свидетельству Ф. М. Заверняева, он читал наизусть «Илиаду», имел колоссальную библиотеку, знал несколько языков, включая латынь, знал историю, геологию, ботанику, собрал самый полный тогда на Брянщине научный гербарий (600 листов) ставший его дипломной работой в Смоленском пединституте, оконченом экстерном в 1936 г. (Заверняев, 1985, Чубур 2005-а).

С увольнением Деева краеведческое общество в Брянске пришло в упадок. Это был «первый звонок» от властей предрешающих, но в Бежице его не услышали. Их кружок, напротив, превратился в отделение Общества Изучения Западной области (центр располагался в Смоленске). В 1934-37 гг. Лелянов - зав. краеведческим кабинетом и секретарь краеведческого кружка в Доме художественного воспитания детей в Бежице. В январе

1936 г. краеведы впервые организовали школьную краеведческую конференцию. Немалую роль в жизни и работе Бежицкого отделения Общества сыграла археолог из Смоленска Е. А. Калинина (Чубур, 2005-б), оказывавшая научно-методическую помощь. Не менее важно было общение с минским археологом К. М. Поликарповичем. К 1936 г. Н. И. Леляновым были учтены уже свыше 700 археологических памятников Подесенья. Он был лучшим знатоком археологии северо-востока современной Брянской области. В иных обстоятельствах научная сторона его натуры могла бы раскрыться ещё ярче. «Николай Иосифович мне очень нравится - этот действительно по ошибке не стал археологом-специалистом» - писала Е. А. Калинина (Калинина - Поликарповичу, 06.08.1936 // Юдиновский музей, ф.1, д.89). Лелянов особо интересовался древнейшим периодом человеческой истории - палеолитом. В 1935 г. под руководством К. М. Поликарповича он работал на раскопках стоянки Елисеевичи - одного из ключевых памятников палеолита Десны. Тогда же в Смоленске вышла в свет его статья - первый для Подесенья на обзор тему палеолита, снабженный сводом находок плейстоценовой фауны. Другие материалы Лелянова не опубликованы, рукописи утрачены, но по переписке с коллегами можно судить, что его мысли отличались новизной и оригинальностью (Юдиновский музей, ф.1, д.100). Он предположил, к примеру, что Судость и Десна в древности были двумя рукавами одной реки. Только в 1960-х гг. Г.И. Горецкий рассмотрел детально этот вопрос. В области геологии проявил себя и И.Е. Благодатский: он открыл Сещинские гляциодислокации - район, где Днепровский ледник, словно бульдозер, надвинул более древние юрские слои на слои более поздние - меловые. В 1935 г. Обществом по изучению Западной обл. было проведено 103 геологических и туристических похода с участием 3000 рабочих, колхозников, учителей и учащихся. Из них 32 - под руководством Благодатского и Лелянова. Среди походов 1936 г. была разведка по Болве, от Песочни до устья, со сбором геологических, ботанических и археологических материалов, в которой участвовал школьник Женя Шмидт - ныне профессор Смоленского пединститута, виднейший ар-

хеолог. Бежицкие краеведы составили костяк экспедиции по раскопкам городища Торфель, возглавленной смоленской исследовательницей Е. А. Калитиной. После завершения раскопок Н. И. Лелянов самостоятельно исследовал несколько курганов (Чубур, 2005-а).

Казалось, начавшаяся по всей стране с 1930 г. волна репрессий против региональной науки, чудесным образом обходят Бежицу - убежище «последних могикан» советского научного краеведения. Тем неожиданной наступила трагическая развязка. 10 июня 1937 г. вышло постановление СНК РСФСР, запрещающее дальнейшее существование центрального и местных бюро краеведения. Их деятельность была признана (!) нецелесообразной. Вскоре трагически завершилась и судьба самих краеведов – в 1938 г. Н.И. Лелянов и И.Е. Благодатский были по пресловутым «Сталинским спискам» арестованы Орловским ОГПУ и расстреляны 12.09.1938 без суда, как «враги народа» (Архив Президента РФ, ф.3, оп.24, д.409-419).

Обобщающую оценку трагическим событиям 1920-30-х гг. дал, рассказывая о своей поездке в СССР в 1936 г. финский археолог – барон А. М. Тальгрэн (после чего стал персоной non grata в СССР). Вот его слова в переводе на русский язык: «Я посетил учреждения в которых мне не встретился ни один сотрудник, который бы работал там в 1928 г. Я могу упомянуть несколько археологов, которые были отстранены: Г. Боровка, И. Фабрициус, М. Грязнов, Яворецкий, В.Козловская, М. Макаренко, А. Миллер (умер), М. Рудинский, С. Теплоухов (умер), А. Захаров, Б. Жуков (умер). Среди них блестящие ученые и достойнейшие люди, преданные и сильные граждане своей страны. Как же должно быть богато человечество, если оно может обойтись без таких интересных людей. Но может ли мир, могут ли Советы позволять себе прерывать творческую деятельность людей, обладающих интересом, энтузиазмом, знаниями и способностями...» (Talgren, 1936, p.149).

Но это еще не стало финалом трагедии. Репрессивная машина не могла работать на холостом ходу. Из московской плеяды, судьбы которой скрестились под Брянском в 1920-х, по-

следним пострадал Георгий Федорович Мирчинк (1889-1942) - выпускник МГУ (1912), доктор геолого-минералогических наук, профессор (1918), академик АН БССР (1940), член президиума Советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода. Составил первый в мире курс лекций по четвертичной геологии, разработал комплекс методов изучения геологии четвертичного периода, на его счету многие другие открытия и достижения. Среди них – изучение геологии Деснянского бассейна и первых на Брянщине палеолитических стоянок Супонево и Тимоновка (где он работал вместе с С. С. Деевым, Б. С. Жуковым, Н. И. Леляновым, И. Е. Благодатским). Судьба складывалась удачно. Будучи главным консультантом по геологии канала Москва-Волга, Мирчинк был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Он выезжал с докладами на международные симпозиумы, был заме. Директора Геологического института АН СССР, преподавал в МГУ и Горной Академии, Межевом институте и Московском геологоразведочном институте им. Орджоникидзе. В 1941 г. академик Мирчинк стал президентом советской секции Ассоциации по изучению четвертичного периода. Началась война, и 23.06.1941 г. ученый был арестован по обвинению «в участии в антисоветской монархической организации» (в его квартире при обыске нашли золотую монету царской чеканки, ноты оперы «Жизнь за царя», журнал «Столица и усадьба» с изображением царской семьи и жетон в честь 300-летия дома Романовых). Следствие затянулось. Обвинения было невозможно доказать, следователи менялись без результата. В феврале 1942 г. опального академика перевели в Саратовскую тюрьму, где он и умер не дожив до суда. В 1946 г. опубликовали некролог, издали посмертно статью о четвертичном периоде на территории СССР, в Музее Землеведения МГУ установили бюст академика, но только в 1990 г., отойдя от юридической казуистики, Мирчинка посмертно реабилитировали (Федоров, 2001).

Еще одна жертва большевистского произвола, имя которой связано с археологическими исследованиями на Брянщине – уже названная нами Елизавета Арсеньевна Калитина (1894-

1956), археолог из Смоленска, родом из станицы Варениковская (ныне Темрюкский район Краснодарского края). Под руководством А. Н. Лявданского участвовала она в раскопках Гнездовских курганов, городищ Смоленщины, с К. М. Поликарповичем исследовала палеолит в Елисеевичах, искала каменный век близ Дятьково. В 1936 г. она провела разведки по притоку Десны – реке Навле, нанеся на археологическую карту региона 14 памятников. В мае-июне 1937 г. Е. А. Калитина вела раскопки в г. Бежица (ныне – Бежицкий район Брянска). На средства фасонолитейного завода «Красный профинтерн» она исследовала городище юхновской культуры раннего железного века Торфель, мешавшее расширению заводской территории. С активной работы Калитиной можно начинать в верхнем Поднепровье как отсчет становления государственной защиты археологических памятников от разрушения строительными работами и кладоискателями (Чубур, 2005-б; Юдиновский музей, ф.1, д.100).

Началась война. В Смоленске, как и во многих других городах, фондам музеев не придали должного значения – обычное для советских чиновников отношение к культурным ценностям. В ночь на 9 июля вагон с ценными экспонатами все же ушел в тыл, но 9 экспозиций и основная часть фондов остались в Смоленске. С ними на оккупированной территории остались и многие сотрудники музея, среди них была и зам. директора по науке Е. А. Калитина. Оккупационный режим приказал работникам музея приступить к своим обязанностям по систематизации фондов и библиотеки. По распоряжению оккупационных властей музейные экспонаты передавались в офицерское собрание, городское управление, в Успенский Собор. Расписки эти об их изъятии потребовала бессменно работавшая при закрытом музее Е. А. Калитина. Так она надеялась сохранить сведения о новом месте хранения вещей, дабы облегчить их поиск, когда музей вновь будет открыт. Всего передано по документам 26 предметов. Именно эти расписки данные на имя Калитиной немецкими офицерами и сыграли роковую роль. 25 января 1949 г. сотрудница Смоленского краеведческого музея Е. А. Калитина была арестована Управлением МГБ по Смоленской области. Следст-

вие было скорым, суд неправым. Уже 31 марта 1949 г. она была осуждена Военным трибуналом войск МВД по ст.58-1-а на 25 лет лагерей. Дальше – этапы, тяготы лагерной жизни, рабский труд. Военный трибунал Московского военного округа определением №1768 от 27.12.1954 приговор Калитиной отменил, и дело за недоказанностью обвинения производством прекратил (Архив УФСБ РФ по Смоленской обл., архивно-уголовное дело №143313-с). Лишь через два месяца, 21.02.1955 Калитина была освобождена из-под стражи и вернулась в Смоленск, но не в музей: до конца недолгой жизни у нее сохранилась обида за незаслуженно изломанную жизнь. Вывозившие часть фондов в эвакуацию получили заслуженные лавры. Она же, рискуя жизнью, пыталась сберечь коллекции, брошенные на произвол судьбы, а в награду получила унижения, лагеря и безнадежное существование с клеймом «врага народа».

В экспедициях Е. А. Калитиной участвовал и во многом повторивший ее судьбу Всеволод Протасьевич Левенок (19.06.1906-20.01.1985). Он родился в г. Трубчевске. В 1930 г. окончил на живописный факультет Художественного техникума в Воронеже, работал учителем рисования и художником Воронежского краеведческого музея, где увлекся археологией. В 1934 г. вернулся в родной Трубчевск и с 1935 г. возглавил Трубчевский краеведческий музей. Тогда же началось его общение с минским археологом К. М. Поликарповичем, ставшим учителем и другом. Левенок оживил музей, заново создав своими руками экспозицию, вел активные археологические исследования по Открытым листам АН СССР, поступил на музейно-краеведческий факультет Ленинградского политехнического института им. Н. К. Крупской, начал работу над диссертацией. Но началась война.

При наступлении немцев горсовет в эвакуации музея отказал. Левенок остался в Трубчевске, куда 9 октября вошли нацисты. Вскоре была организована городская управа и назначен бургомистр, издавший указ: всем служащим городских учреждений оставаться на своих местах, за уклонение от работы – расстрел. Левенок был вынужден остаться зав. музеем, пытался

сохранить коллекции, но в сентябре 1943 г. отступавшие немцы сделали то, чего не смогла советская власть – вывезли экспонаты. Сопrotивлявшийся этому Левенок угодил с семьей 8.09.1943 под немецкий конвой и был угнан в Германию. Жена и сын погибли от бомбового налета советской авиации, а сам Левенок был на принудительных работах у немецкого помещика, прошел несколько концлагерей, бежал через линию фронта и принял участие в боевых действиях в рядах Советской армии (Левенок-Поликарповичу 11.01.1946, Юдиновский музей, архив, ф.1, д.45).

После войны В. П. Левенок работал капельмейстером в Трубчевском доме культуры, при этом ведя разведки по Открытым листам АН СССР и выезжая в отпуск в экспедиции. Затем археолог-самородок был взят К. М. Поликарповичем на работу в Минск, в Институт Истории БССР. В конце 1948 г. Всеволод Протасьевич переехал в Ленинград, став лаборантом Института Истории Материальной культуры АН СССР. Талантливый ученый имел огромные перспективы. Но в январе 1951 г. Левенок неожиданно был арестован МГБ и осужден Воронежским военным трибуналом по ст.58-1 (антисоветская агитация и пропаганда) и ст.57-3 (измена Родине) УК РСФСР. Инкриминировали ему то, что музей в Трубчевске не был эвакуирован, действовал в период оккупации, и вывезен фашистами при отступлении. В. П. Левенок не одинок в своей трагедии – похожая судьба постигла Смоленских, Симферопольских и многих других музейщиков, продолжавших хранить историю в период оккупации. Арест Левенка далеко не случаен, ведь хотя в МГБ никого не забывали, Левенок жил на свободе более 5 лет после войны. За арестом – донос человека, раздосадованного взлетом земляка на «столичные высоты». Ситуация до боли знакомая, типичная для России. Как перенес этот кошмар Левенок? Обратимся к его письму, написанному немного ранее: «люди за науку шли на костер, а посидеть несколько лет в заточении все же не так страшно. Жалко только, что на это время буду оторван от научной работы» (Левенок-Поликарповичу, 18.11.1946, Юдиновский музей, ф.1, д.45).

В октябре 1955 г. Всеволод Протасьевич вышел на свободу и немедленно вернулся к любимому делу, став сотрудником Ленинградского отделения Института Археологии АН СССР. В 1956-57 гг. он продолжает исследования в родном Подесенье, открыв более 200 памятников, а затем выявляет и исследует несколько сотен памятников уже на верхнем Дону. В 1963 г. он окончил истфак ЛГУ. Итогом жизни стала блестящая защита кандидатской диссертации в Институте Археологии АН СССР 22.01.1970.

Работа Левенка в оккупации, на мой взгляд, не предательство, а безумная самоотверженность. Но даже в 1992 г. В. П. Левенок посмертно реабилитирован Генпрокуратурой России лишь по 1 пункту обвинений. Героями продолжают считать тех, кто уничтожал фонды музеев при отходе Красной армии, тех же, кто сохранял музейные коллекции, как прежде относят к «врагам народа».

Взгляд в мрачное тоталитарное прошлое и анализ эволюции современного российского общества и государства заставляют всерьез задуматься и о недалеком будущем. В пресловутом законе №122-ФЗ (монетизация льгот) пропрезидентский парламент «в едином порыве» убрал из преамбулы принятого ранее закона «О реабилитации жертв политических репрессий» слова о том, что людям этим государство нанесло моральный вред. Это – знаковое явление современной действительности, это – ни что иное, как попытка начала реабилитации тоталитарной системы. Не меньшими темпами, чем во времена «Академического дела» набирает силу бюрократизация страны и науки, под давлением новой бюрократии рушатся структуры науки и образования, есть явные симптомы возврата к единомыслию. Именно поэтому мы обязаны помнить и анализировать страшное прошлое. Только это поможет выработать иммунитет и не позволить в итоге государственной системе ввергнуть народ в новую пучину произвола.

Литература

Вернадский, В.И. Памяти П.Я. Армашевского / В.И. Вернадский // Век XX и мир. - 1990. - №1.

Возвращенные имена: сотрудники АН Беларуси, пострадавшие в период Сталинских репрессий / (сост. и авт. предисл. Н.В. Токарев). - Минск : Навука і тэхніка, 1992.

Заверняев, Ф.М. Жаром души, глубиной знаний / Ф.М. Заверняев // Брянский рабочий. - 1985. - 21 авг.

Падин, В.А. Далекое – близкое / В.А. Падин // 70 лет Брянскому историко-революционному музею. - Брянск, 1991. - С. 31 - 35.

Памяти Александра Николаевича Лявданского // Сов. археология. - 1964. - №1. - С. 120 - 125.

Перченко, Ф.Ф. "Дело Академии наук" и "великий перелом" в советской науке / Ф.Ф. Перченко // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. - М.: Наука, 1995. - С. 201 - 235.

Поляков, Г.П. Археология в Трубчевском музее Брянщины в 20-гг XX в. / Г.П. Поляков // Курск и куряне глазами ученых. Курские тетради. Тетрадь пятая, вып.2. - Курск, 2004.

Саран, А.Ю. Орловский аспект «дела краеведов» / А.Ю. Саран // Реквием: книга памяти жертв политических репрессий на Орловщине. Т.4. - Орел, 1998. - С.335 - 345.

Соболев, В.С. Академия Наук и краеведческое движение / В.С. Соболев // Вестник РАН. - 2000. - Т. 70. №6. - С. 535 - 541.

Федоров, Н. Власть рассудила иначе / Н. Федоров // Дмитровский вестник. - 2001. - 30 окт.

Чубур, А.А. Михаил Вацлавович Воеводский: страницы биографии. К 100-летию со дня рождения / А.А. Чубур. - Брянск, 2003.

Чубур, А.А. Николай Лелянов - «последний из могикан» довоенной краеведческой археологии / А.А. Чубур // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья: материалы XI науч. конф. - Калуга, 2005.

Чубур, А.А. Археолог Елизавета Калитина: (к 110-летию со дня рождения) / А.А. Чубур // Материалы III Яхонтовских чтений. - Рязань, 2005.

Чубур, А.А. Деснянский палеолит: проблемы истории исследований, историографии и источниковедения / А.А. Чубур. - М.: РГСУ, 2005.

Чубур, А.А. «Археология – моя страсть»: (Трубчевский период биографии В.П. Левенка) // Археологические исследования Восточной Европы. – Липецк : Изд. ЛГПУ, 2006. - С. 8 -14.

Чубур, А.А. Судьба Археолога: страницы биографии Всеволода Левенка в его письмах / А.А. Чубур. – [Брянск, в печати].

Talgren, M. Archaeological studies in Soviet Russia / M. Talgren // NESА- 1936. - X.

Иеромонах Диомид (Кузьмин),
*насельник Брянской
Площанской Пустыни*

Жизненный путь Священномученика иерея Стефана (Грачева, 1886-1938)

Священномученик иерей Стефан Федорович Грачев родился 30 декабря 1886 года¹ в деревне Тростная Севского уезда Орловской губернии (ныне Комаричский район Брянской области) в крестьянской семье. Родители его Федор Иванович и Елизавета Прохоровна Грачевы имели четырех сыновей и четырех дочерей². Федор Иванович с 14 лет прислуживал в Алтаре, а потом до самой смерти служил ктиторм находящегося по соседству в селе Бобрик храма во имя Святого Архистратига Михаила. Семья была благочестивой, и все посты проводили на Богослужениях в Богородицкой Площанской Пустыни, которая находилась в пяти верстах от дома. Трех детей Грачевы отдали на

¹ В тексте жизнеописания даты до 14 февраля 1918г. с которого декретом СНК от 25.01.1918г. вводился новый стиль, указываются по старому стилю. Даты после 14 февраля 1918г. указываются по новому стилю.

² ГАБО. Ф.249. Оп.1. Д.23. Л.100.

воспитание в монастыри: дочь Елена была послушницей Брянского Петро-Павловского девичьего монастыря, дочь Пелагия – в Севском Троицком девичьем монастыре, а сын Стефан – в Площанской Пустыни.

В обитель он поступил еще в десятилетнем возрасте, воспитываясь в строгости и благочестии у монастырских старцев, помогая отцу в деревне на всех сельских работах, а при достижении совершеннолетия в 1904 году был зачислен в братию монастыря уже послушником. В 1914 году был призван в армию, участвовал в боях под Вильно и Гродно. Получил младший офицерский чин, и за заслуги перед Родиной и безпримерную храбрость был удостоен двух Георгиевских крестов. После демобилизации из армии в 1918 году вновь поступил в родной монастырь, и нес там послушание вплоть до закрытия обители в 1921 году. Поскольку послушники в монастырях не дают иноческих обетов, через некоторое время Стефан Грачев женился на Кириленковой Анастасии Сергеевне, которая ухаживала в Пустыни за скотом. Род Кириленковых происходил из деревни Гаврилова Гута, где жили постоянные прихожане обители.

С 1924 года Стефан стал служить псаломщиком. В марте 1929 года Епископом Брянским и Севским Матфеем (Храмцевым, †1931) он был рукоположен во диакона к храму во имя Великомученика Никиты села Аркино Комаричского района Брянского округа. 23 марта 1930 года, в храме в честь Воскресения Христова города Брянск, Владыка Матфей рукоположил его в сан иерея к храму в честь Благовещения Пресвятой Богородицы села Крапивна Навлинского района Брянского округа.

2 июня 1930 года иерей Стефан был переведен в село Холмецкий Хутор Брасовского района. Храм села был построен известным помещиком Степаном Степановичем Апраксиным в 1797 году для жителей села Крупец. Центральный Алтарь храма был освящен во имя Преподобного Макария Египетского, северный придел – во имя Святых безсребренников Косьмы и Дамиана, а южный – во имя Мучеников Адриана и Наталии. Каменный храм был покрыт листовым железом, главы и кресты вызолочены, интерьер хорошо украшен. Помещик Апраксин по-

дарил приходу старинную Тихвинскую икону Божией Матери. Народ почитал эту икону как чудотворную, и с нею ходили Крестным ходом по всем соседним селам и деревням.

Племянница отца Стефана, Митина Пелагея Егоровна, пишет о нем: «По характеру он был очень строгий. Мы, дети, все его очень любили, уважали и побаивались. Он никогда детей не ругал. Мы могли забраться на печку, играть, шуметь, мы трезвонили в колокола, у нас были свои небольшие колокольчики, пели духовные канты, и он нам в этом не мешал. Но если кто-нибудь приходил к нему, он говорил: “Дети, прекратите!” ... Отец Стефан <часто> забирал мою маму к себе. Мы играли тогда детьми на печке, это я помню. Других детей не было. И когда к бабушке приходили посетители, мы сидели тихо.

Отец Стефан всегда ходил в подряснике. Было у него и свое хозяйство. Он ходил косить траву для скота, рубил дрова. У него прислуги не было, и всю работу делал сам. Умел пилить, строгать, ложки делать... Нас, <детей>, отец Стефан будил на Причастие, когда уже все Часы прочитаны, или когда Евангелие будет читать. Матушка отца Стефана нас будила...

В доме дедушки в Тростной не было принято говорить лишних слов. Сам дедушка тоже был очень строгий. Я была одна у мамы. А у умершего третьего брата было шесть детей, и их всех дедушка взял на воспитание. Нас всех детей в итоге было семеро. За столом в Тростной мы сидели без всякого шума. Дедушка, бывало, садится за стол, и только он кашляет, а мы уже знали, что должна быть полная тишина. Такие же порядки были у отца Стефана и в Хуторе Холмецком. Бабушка ел вместе с нами. Молились мы перед едой все вместе, а когда надо было – и на коленях. А вот на сон грядущий мы молились только с матушкой, а бабушка молился уже поздно отдельно, когда мы все засыпали.

По характеру он был очень сдержанный и немногословный... знал хорошо нотную грамоту, перекладывал на ноты церковные песнопения. И что ему нужно было написать и разучить, пробовал пропеть это с нами, с детьми. Бывало, возьмет скрипку, проиграет мотив, и заставит нас пропеть его. И мы пели под

скрипку. Часик-другой с нами музыкой занимается, так вот бывало...

Жил отец Стефан сначала не очень бедно, еда была самая обычная, деревенская, каша, картошка, молоко, яички, сало. После коллективизации отобрали корову, стали жить беднее, а в гонения и совсем стали жить одним подаянием. Но во все времена матушка кормила всех нищих, отец Стефан говорил, чтобы никому не отказывала. Приводила она нищих в дом, и угощала их...

Отец Стефан, если к нему приходили причастить или пособоровать больного, никому не отказывал, даже тогда, когда на него начались гонения. Однажды его пригласили в Брасово для беседы, он тогда пришел поздно вечером в Тростную, потому что ему идти было ближе, чем в Хутор Холмецкий. Я этот момент помню. Отца Стефана тогда продержали в Брасово целый день, а идти ему было далеко до дома, и он зашел к отцу. Мы, дети, уже легли спать. Отец Стефан пришел весь мокрый... Дедушка растопил железную печку, было уже холодно. Шел дождь со снегом, за окном был октябрь месяц. Начали сушить батюшкину одежду и обувь. То, что мы, дети, могли лежа услышать, – что отец Стефан сказал деду, как ему предложили отречься от своей веры. “Вы крестьянский сын, – говорили ему, – мы Вам предложим любую работу, нам нужны образованные люди”. А он им отвечал: “Не могу я этого сделать”. Его спросили: “Вы служили в царской армии, Вам предлагали там остаться?” Он ответил: “Это не мое призвание. Я вернулся в монастырь”. Его спросили: “А Вы знаете, что с Вами будет в будущем, и Вы с этим согласны?” Тогда он сказал: “Да, я свой Крест буду нести до конца”»¹.

Тамара Ивановна Урвачева, жительница села Холмецкий Хутор, вспоминает: «Батюшка был хороший, следил за всем, чисто было, хорошо... Все прихожане очень любили его, нравился он всем. Караулка, в которой жила семья отца Стефана, тесная была совсем. Там стояла купель, в которой он крестил

¹ Воспоминания Митиной П.Е. – Архив Отдела Агиологии Брянской Епархии.

детей. Помню хорошо, что купель была желтая. Мы, дети, говорили, что она золотая. Приход был большой, детей крестили много. Четыре деревни: Холмечь, Хутор, Крупец, Гавриловка с тремя поселками: Яшкина Пасека, Соколы, Добровольский – несколько тысяч человек. В праздники народ едва помещался в храме, а на Пасху не помещался даже в ограде. Больше женщины стояли в храме, но и мужчины тоже, детей приводили много. Хор был большой... После ареста семью священника выгнали, а храм закрыли»¹.

2 июня 1932 года Епископ Брянский и Севский Даниил (Троицкий, † 1934) «за усердную и полезную службу Церкви Божией» наградил иерея Стефана набедренником. По ходатайству благочинного, протоиерея Алексея Соколова, «за усердное служение и благонравное поведение» ко дню Святой Пасхи 1935 года Епископ Брянский и Севский Иоасаф (Шишковский-Дрылевский, † 1935) наградил отца Стефана камилавкой.

Семья отца Стефана жила в приходской сторожке. Хозяйства не было, держали только корову, но из-за нее наложили непосильный налог на сдачу молока, а через некоторое время корову забрали.

В ноябре месяце 1935 года стало известно о том, что с храма, в котором служил отец Стефан, собираются снять колокола. Его вызвали в правление колхоза, где объявили постановление правительства о снятии колоколов с храмов. Предложили дать подписку об ответственности за возможные волнения в церковном приходе. Отец Стефан ответил, что лучше ему быть арестованным, чем призывать прихожан снять колокола по приказу власти. На требование отдать ключи от храма он сказал, что ключи не у него, а у председателя ревизионной комиссии, который вскоре пришел в храм, но отдать ключи отказался. Тогда представители власти взломали замок в храме и вывезли колокола. Несколько месяцев спустя Священномученик Архиепископ Смоленский Серафим (Остроумов), в ведении которого с 30 декабря 1935 года находилась Брянская Епархия, направил

¹ Воспоминания Урвачевой Т.С. – Архив Отдела Агиологии Брянской Епархии.

приходским священникам через благочинных циркулярное письмо, в котором убеждал не противодействовать представителям власти при снятии колоколов, так как важнее было не дать повода к закрытию храма, чем сохранить колокольный звон. Такое письмо благочинного Православных церквей Брасовского района протоиерея Алексея Соколова от 5 августа 1936 года получил и отец Стефан.

В 1936 году была засуха, прихожане не раз просили отца Стефана совершить молебен о низпослании дождя. Затем они просили совершить молебен на полях. Согласно давнему местному обычаю, чтимому в округе со времени постройки храма в селе Холмецкий Хутор, летом совершался крестный ход с Тихвинской иконой Божией Матери для избавления от стихийных бедствий, падежа скота и неурожая, с обязательным хождением по домам прихожан. Отец Стефан предложил председателю церковного совета храма во имя Преподобного Макария Великого сходить в сельский совет и добиться получения разрешения на проведение молебна. Председатель сельсовета сначала согласился, но на второй день отменил свое распоряжение, и молебен провести не удалось.

26 августа 1936 года священник Стефан был арестован по обвинению в антисоветской агитации и заключен в тюрьму города Брянск. Через три месяца допросов обвиняемый отец Стефан Грачев был освобожден за недоказанностью обвинения.

По воспоминаниям Митиной Пелагии Егоровны, отец Стефан после освобождения из заключения пришел к своему брату Егору, который жил в Брянске. Он рассказал, что в тюрьме его принуждали отречься от веры, но он ответил, что будет нести свой Крест до конца. Родные предлагали ему оставить приход и уехать к брату Егору в Брянск, но отец Стефан отказался, повторив, что Крест свой будет нести до конца.

4 сентября 1937 года протоиерей Алексей Соколов был арестован. Узнав об этом, отец Стефан сказал своей матушке, чтобы она готовилась к его аресту и сушила сухари для него. Перед этим, предчувствуя арест, он советовал иеромонаху Анатолию (Даньшину), который служил на его приходе псаломщи-

ком, собрать вещи и пробираться к Москве, к Свято-Троице-Сергиевой Лавре. Однако того арестовали раньше, 20 июля. Приходил батюшка и к своему отцу Федору Ивановичу в деревню попрощаться.

Как рассказывает Пелагея Егоровна Митина, в день перед арестом в храме, где служил иерей Стефан, явно слышался человеческий плач. Люди прибежали в церковную ограду, зашли в дом к матушке и сказали: «Батюшка закрыл кого-то в церкви, там кто-то плачет». Отец Стефан сам пошел открывать храм вместе с народом. Он зашел в храм с мужчинами, из предосторожности, они обошли все внутри, и никого не нашли. А народу собралось очень много вокруг храма, почти все население Хутора Холмецкого.

5 сентября 1937 года, в половине второго часа ночи пришли за священником Стефаном Грачевым. Семью в это время заперли на засов. По воспоминаниям близких, сотрудники НКВД забрали из дома абсолютно все, оставив семью без средств к существованию. В красном углу, под иконами в доме отца Стефана стоял комод с книгами, тут же хранились облачение и Дароносица. Утром пришли односельчане, открыли матушку и детей, принесли, кто что мог. Семью отца Стефана выселили из церковной сторожки, а храм закрыли окончательно. Приют родным священника на Хуторе Холмецком дал один военный, которого перевели служить в Белоруссию. Семья Грачевых жила в этом доме до лета 1943 года.

Священник Стефан был заключен под стражу в тюрьму города Брянск. Пелагея Егоровна Митина вспоминает о втором аресте отца Стефана: «Мы с дедушкой пришли <к тюрьме> в тот момент, когда заключенных выводили на работу. Погода была снег и слякоть, это был конец октября. Тот же голос, что и год назад с нами говорил, в этот раз сказал, что отца Стефана с ними нет, но он постарается узнать, где тот находится. Мы с дедушкой пришли на то же место через два дня. Тот же голос сказал нам, чтобы мы искали в другом месте, в этой тюрьме его нет»¹.

¹ Воспоминания Митиной П.Е. – Архив Отдела Агиологии Брянской Епархии.

Отец Стефан отрицал обвинение в контрреволюционной деятельности. Постановлением Особой тройки при Управлении НКВД по Орловской области от 29-30 ноября 1937 он был приговорен к разстрелу с конфискацией лично принадлежащего ему имущества. Священник Стефан Грачев принял мученическую кончину 7 февраля 1938 года в городе Брянск. 4 августа 1989 года он был реабилитирован Прокуратурой Брянской области.

Определением Священного Синода Русской Православной Церкви от 17 июля 2006 года иерей Стефан Грачев причислен к лику Святых – включен в Собор Новомучеников и исповедников Российских XX века.

Иерей Георгий Балин,
клирик Брянской Епархии

Стояние в вере. Священномученик Протоиерей Варлаам (Попов, 1880-1937)

19 июня 1880 года¹, в день памяти Преподобного Варлаама Важского, Шенкурского (†1462) в семье священника села Лобаново Радогощской волости Севского уезда Орловской губернии² Петра Попова родился мальчик, которого во Святом Крещении нарекли именем Варлаам.

В XIX веке Лобаново было большим селом более чем с тысячным населением. Оно стояло в полутора верстах от станции Комаричи Московско-Киево-Воронежской железной дороги и в двух верстах от Киевского тракта. Свое название село получило от крутых холмов, на которых оно располагалось. Эти холмы, напоминавшие лбы, спускались к большому озеру, раз-

¹В тексте жизнеописаний даты до 14 февраля 1918 г. с которого декретом СНК от 25.01.1918 г. вводился новый стиль, указываются по старому стилю. Даты после 14 февраля 1918 г. указываются по новому стилю.

²В настоящее время эта местность относится к Брянской области.

делявшему Лобаново на две части. Древний сельский храм был деревянным, а в 1805 году на пожертвования княгини Натальи Петровны Голицыной был построен каменный храм в честь Святой Живоначальной Троицы с колокольной и оградой. К селу со всех сторон примыкали рощи со множеством озер¹.

Первоначальное образование дети священников получали дома. Но в Лобаново была и Церковно-приходская школа, в которой помимо обучения Закону Божию, чтению и письму, детей крестьян обучали и церковному пению. По свидетельству очевидца, пение их было оригинально, по некоторым приемам, свойственным крестьянскому хоровому пению, но оно было дружное, стройное и дышало редким усердием и искренностью². Дети привлекались к участию в церковном пении, что имело большое значение для приучения их к молитве, воспитывало в них любовь к Богу и Церкви. Молитва домашняя и церковная, чтение духовной литературы, посильная помощь родителям в домашнем хозяйстве, которое у сельских священников мало чем отличалось от хозяйств их прихожан-крестьян, все это, несомненно, оказывало большое влияние на духовное формирование личности.

В 1891 году, когда Варлааму исполнилось 11 лет, он был определен в подготовительный класс Духовного Училища, которое находилось в уездном городе Севск. Училище в то время не имело собственного здания, и уже 14-й год занятия проходили в наемных помещениях. Но вот наступил новый учебный год, в котором двенадцатилетний отрок стал свидетелем двух незаурядных событий.

В конце августа 1892 года село Лобаново посетил Преосвященный Иоанникий (Казанский, † 1917), Епископ Михайловский, викарий Рязанской Епархии – местный уроженец, сын псаломщика Лобановского Свято-Троицкого храма. Преосвя-

¹ОЕВ. 1903. №42. С. 899. По воспоминаниям старожилов, храм был взорван в 1943 году немецко-фашистскими оккупантами. При этом из храма разрешили вынести иконы и утварь. А село Лобаново во второй половине XX века вошло в границы поселка Комаричи.

²ОЕВ. 1903. №42. С. 900.

ценный Иоанникий совершил в храме Божественную Литургию и панихиду по своим родителям, которые покоились на приходском кладбище. До сих пор ни один Архиерей не посещал храм села Лобаново, и многие жители впервые видели Архиерейское служение.

А 20 сентября 1892 года в городе Севск происходило торжественное освящение нового здания Духовного Училища и устроенного при нем домового храма во имя Святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, которое было совершено Преосвященнейшим Мисаилом (Крыловым, † после 1918), Епископом Орловским и Севским. При встрече с учащимися Владыка обратился к ним с наставлением, которое заключил такими словами: «Вам дети, теперь легко и приятно учиться. Учитесь же усердно, молитесь и благодарите Бога за все, что устроено здесь для вас». Затем Преосвященнейший Мисаил благословил всех подошедших к нему детей, некоторых спрашивал, откуда они, есть ли у них родители. Присутствующие видели, какой искренней радостью светились лица детей. Светлое и просторное каменное двухэтажное здание, чистота отделки, новая классная обстановка, вместительный и благолепный храм – «все это ново для многих, а для некоторых – и в первый раз в своей жизни только испытываемое и виденное. Все это возбуждало детский ум и производило особенное действие на весь душевный их мир», – пишет очевидец происходящих событий¹.

В 1896 году в разрядном списке воспитанников Севского Духовного Училища, составленного после годичных испытаний, третьим среди учащихся II разряда значится Варлаам Попов, признанный окончившим курс и удостоенным перевода в Семинарию². Духовная Семинария находилась в губернском городе Орел, который отстоял в 130 верстах от его родного дома. Начался новый этап жизни юноши, более ответственный.

Сейчас уже невозможно выяснить, по какой причине Варлаам обучался в I классе Семинарии два года. В разрядных

¹ ОЕВ. 1892. №38. С. 684.

² ОЕВ. 1896. №40. С. 1251.

списках, которые публиковались в Орловских Епархиальных Ведомостях по окончании каждого учебного года, семинарист Варлаам Попов значился среди первых учеников 2-го разряда. Вероятно, вследствие болезни, он провел в стенах Семинарии вместо шести лет – семь. Весной 1903 года состоялись выпускные экзамены. Волнение усугублялось тем, что на экзаменах 10 мая по Священному Писанию и 12 мая по Греческому языку присутствовал Преосвященнейший Ириней (Орда, † 1904), Епископ Орловский и Севский. Но вот экзамены успешно сданы. 10 июня в 9 часов утра Ректором и Духовником Семинарии в присутствии выпускников и преподавателей в семинарском храме был отслужен молебен, затем в актовом зале секретарем Правления был зачитан список воспитанников окончивших курс¹. Среди одноклассников Варлаама Попова был Даниил Святский, который в 1901 году открыл неизвестную ранее звезду, и его приняли во Французское астрономическое общество². Это говорит о высоком уровне образования и широте эрудиции воспитанников Орловской Духовной Семинарии.

После выпуска 23-летний Варлаам Попов был определен учителем образцовой одноклассной Церковно-приходской школы при второклассной школе села Воскресенск на Мезине Орловского уезда Орловской губернии. Молодой учитель добросовестно выполнял свое новое послушание. В 1906 году, по резолюции Преосвященнейшего Кириона (Садзагелова, † 1918), Епископа Орловского и Севского, Епархиальным Училищным Советом ему была выражена благодарность за усердные и полезные труды по Церковно-школьной деятельности³.

11 октября 1906 года Варлаам Петрович Попов был определен на священническое место к храму во Имя Святой Троицы села Поздняшовка Севского уезда⁴. 8 декабря 1906 года Преосвященный Митрофан (Афонский, † 1920), Епископ Елецкий,

¹ ОЕВ. 1903. №25. С. 334.

² Крашенинников В. В. История Брянского края. XX век. Учебное пособие для 11 класса. - Клинцы, 2003. С. 58.

³ ОЕВ. 1906. №3. С. 17.

⁴ ОЕВ. 1906. №50. С. 1369.

Викарий Орловской Епархии, рукоположил его во диакона во время Божественной Литургии в Крестовом храме Орловского Архиерейского Дома. А 10 декабря 1906 года, в день памяти Святителя Иоасафа Белгородского, Преосвященный Митрофан во время Божественной Литургии в Орловском Кафедральном Соборе рукоположил диакона Варлаама во священника¹.

Почему от назначения на священническое место до рукоположения прошло почти два месяца? Скорее всего в этот период до начала Рождественского поста (14 ноября) было совершено Таинство брака с Раисой Григорьевной, в девичестве Прудниковой, уроженкой города Севск. К сожалению, метрические книги Севских храмов и храма села Лобаново за этот период не сохранились, и более точно ответить на этот вопрос не представляется возможным.

В селе Поздняшовка в начале XX века проживало более 2000 жителей. Каменный храм во Имя Святой Живоначальной Троицы, построенный в 1876 году на средства прихожан и благодаря значительному пожертвованию помещицы Наталии Александровны Де-Санглер, вмещал до 1000 человек².

Молодой священник являлся заведующим и законоучителем Поздняшовской Церковно-приходской школы, и уже в 1909 году был удостоен Архипастырского благословения с грамотой за усердные и полезные Церковно-школьные труды³. А в 1914 году, ко Дню Святой Пасхи, Преосвященнейшим Григорием (Вахниним, † после 1919), Епископом Орловским и Севским, он был награжден набедренником⁴. Здесь, в Поздняшовке, у отца Варлаама и матушки Раисы родились дети: Римма – в 1908 году, Зинаида – в 1909 году, Зоя, которая умерла младенцем, Мария – в 1914 году, Галина – в 1916 году. Дочь Елена родилась в 1920 году. Десять лет жизни семьи батюшки были связаны с Поздняшовкой.

¹ОЕВ. 1906. №51. С. 1389.

²Летописи церкви Севского уезда. – ГАБО. Ф. 249. Оп.1. Д. 247. Л.157.

³ОЕВ. 1910. №2. С. 10.

⁴ОЕВ. 1914. №13. С. 286.

1 января 1917 года отец Варлаам был перемещен на священническое место в родное село Лобаново¹.

События гражданской войны, переламывающие судьбы людей, трагично отразились на его семье. В сентябре-октябре, когда шли ожесточенные бои за Севск, в Комаричах и Лобаново находился Кубанский полк Красной армии. Красноармейцы хотели убить священника и его семью. Предупрежденный жителями села Гороховым Феодосием, Клевановым Ионой и другими, отец Варлаам укрылся и в течение четырех дней крестьяне скрывали своего батюшку от расправы.

События осени 1919 года, происходившие близ станции Комаричи Севского уезда, описывает в своих воспоминаниях Архиепископ Василий (Кривошеин). Один из местных жителей, крестьянин, жаловался ему «на насилие и произвол “красных кубанцев”»: «От них стонет все местное население. Грабят, насильничают, убивают. На днях они зверски убили одного студента, близлежащего села. Он был оттуда родом. Его и до этого “кубанцы” притесняли, грозили арестовать, подозревали. Он решил бежать к белым, но “кубанцы” его поймали. Жители умоляли его пощадить, заступались за него, говорили, что он хороший и нужный им человек. Ручались за него, но “кубанцы” его зверски зарубили. Отрубили пальцы, ноги, долго мучили. “Это не люди, а звери, – говорил хозяин, – не дай Бог им в руки попасться”»². «”Не дай Бог, если вернуться красные. Они нам мстить будут за то, что мы вас принимаем”, – говорила крестьянка средних лет. А ее двенадцатилетняя дочь с какой-то недетской серьезностью и сосредоточенностью добавила: “Они всех нас убьют, замучат”»³.

После прихода денкинцев отец Варлаам возобновил службы в храме, на которых поминал временное правительство, Патриарха Тихона и местного Архиерея. Через три недели в середине октября денкинские части стали отступать. Крестьяне

¹ОЕВ. 1916. №50-51. С. 534.

²Архиепископ Василий (Кривошеин). Воспоминания. Письма. – Н.Новгород: Изд-во братства во имя Святого князя Александра Невского, 1998. С. 129.

³Там же. С. 155.

не решились больше укрывать батюшку, и он принял решение с семьей перебраться на Украину к брату Николаю Петровичу, в Александро-Грушевск¹. На телеге, с четырьмя маленькими детьми, матушкой, которая ждала пятого ребенка, семья через Севск и Поздняшовку добралась до станции Арбузово в Курской губернии. Там отец Варлаам продал лошадь, и они поездом добрались до Харькова. Продолжать путь всем вместе было сложно, и батюшка оставил семью в Борисовской Тихвинской женской Пустыни². Добрался до Александро-Грушевска, но брата там не нашел. Через четыре дня бесплодных поисков он вынужден был уехать в Екатеринодар.

Впоследствии, на допросе, отец Варлаам так описывал эти события. «...Я уехал в Екатеринодар. Средства мои истощались, и я нашел приют в Духовном Училище против Екатеринодарского Собора, ничем не занимался до декабря месяца 1919 года, и средством к существованию были остатки с ученического стола. С декабря месяца я уехал в Лебяжский монастырь³ Кубанской области, где ни на какой службе не состоял, ходил молиться в церковь и довольствовался монастырской трапезой до половины декабря 1919 года. Затем я уехал в станицу Переяславскую Брюховецкой волости Каневского отдела Кубанской области, по просьбе больного священника о. Иоанна Нецветаева, где служил до апреля 1920 года. В апреле 1920 года я возвратился домой в село Лобаново и поступил священником в город Севск, куда и переехал»⁴.

¹Ныне г. Шахты Ростовской обл.

²Борисовская Тихвинская Пустынь – монастырь на горе, при реке Ворскле, близ слободки Борисовки. Основан в 1714 г. графом Борисом Петровичем Шереметьевым, в воспоминание о Полтавской победе. – Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковнослужителей. – М.: Издательский отдел Московской Патриархии, 1993. Репр. воспр. изд. 1913 г. Ч. II. - С. 1477.

³Черноморская Екатеринино-Лебяжская Николаевская Пустынь в 120 верстах от города Екатеринодар, осн. в 1796 г. – Там же, С. 1533.

⁴Дело №39 1925 года по обвинению свящ. Попова Варлаама Петровича по 73 и 119 ст.ст. УК – ГАБО. Ф. Р-1780. Оп. 1, Д. 52. Л. 17 с об.

С 1 мая 1920 года священник Варлаам служил в храме во имя Великомученицы Варвары города Севск. Как священнослужитель, он был лишен избирательных прав.

1 апреля 1920 года была образована Брянская губерния, что послужило учреждению 22 декабря того же года самостоятельной Брянской Кафедры. Первым Епископом Брянским и Севским стал Преосвященный Амвросий (Смирнов, † 1938). Он был уволен на покой 14 ноября 1923 года.

15 ноября 1923 года временно управляющим Брянской Епархией, а с 25 мая 1924 года – Епископом Брянским был назначен Преосвященный Карачевский Агапит (Борзаковский, † 1938)¹. В то же время, в Брянске пребывал Епископ Бежецкий, викарий Орловской Епархии Алексей (Замараев, † 1927), который в 1922 году уклонился в обновленческий раскол, а с 21 августа 1923 года обновленческим ВЦУ был назначен управляющим Брянской Епархией с возведением в сан Архиепископа².

После назначения Епископа Агапита управляющим Брянской Епархией священник Варлаам находился под его окормлением. С 10 марта 1924 года он служил в Кресто-Воздвиженском храме в честь Воздвижения Креста Господня города Севск. Об этом времени вспоминает дочь батюшки Галина Варлаамовна. «После того, как наша семья вернулась в Севск, папа получил назначение в кладбищенский храм во имя Святой Великомученицы Варвары. Мы поселились в церковном доме, который при-мыкал к ограде храма. Помню разговор, который состоялся между родителями. Папа говорит: “Вот уже несколько дней приходят люди из-за <реки> Марицы, прихожане Кресто-Воздвиженского храма и просят о том, чтобы мне перейти служить в их храм”. В 1924 году папу перевели служить в этот храм. Первое время мы жили в доме родителей мамы, который стоял рядом с храмом во имя Архистратига Михаила. Потом

¹Православная энциклопедия. Т. 1. – ЦНЦ Русской Православной Церкви «Православная энциклопедия», 2000. - С. 226.

²«Обновленческий» раскол сост. И.В. Соловьев. – М.: Общество любителей церковной истории; Издательство Крутицкого подворья, 2002. - С. 648.

снимали дом на улице Виноградова у Дубровских, потом, наконец, купили небольшой дом прямо напротив храма. В доме была кухня и комната, разделенная на две части. Для того, чтобы подготовиться к служению Божественной Литургии, папа вставал рано, около пяти часов утра, и долго молился. Иногда я просыпалась и смотрела, как папа молится. Служил он очень часто, почти каждый день. А днем к нему приходили люди. Принимал всех радушно. Совершал Таинства и требы: причащал, соборовал, отпевал. Заниматься хозяйственными делами у папы не было возможности, он успевал только заготавливать дрова. Он всегда ходил только в подряснике и рясе. И только тогда, когда колл дрова, переодевался в рабочую одежду. В нашей семье не было достатка, но я помню, как папа и мама устроили для нас, пятерых детей, Рождественскую ёлку. Мы сами вырезали из бумаги игрушки, а родители приготовили для нас скромные подарки. В нашей семье жила папина тетья, Неонилла Афанасьевна. Папа был очень добрым, никогда не повышал голос, был терпелив к нашим детским шалостям. Большое внимание он уделял образованию детей: первые две дочери стали учителями. Из-за притеснений, которые терпели семьи священнослужителей, меня удочерила старшая сестра Зинаида, которая вышла замуж и сменила фамилию. Среднюю школу я заканчивала в Комаричах, а затем переехала в Воронеж к тетушке, где поступила в техникум. Папа всегда поддерживал нас, и, несмотря на свою бедность, помогал нам материально и продуктами питания»¹.

8 января 1925 года обновленческая община Севского храма во имя Святого Иоанна Предтечи обратилась в обновленческое «Брянское Епархиальное Управление» с просьбой о передаче в этот храм чудотворной Казанской иконы Божией Матери. Образ был изъят из Площанской Пустыни и находился в ведении Губфондовой комиссии. Обновленческое «Брянское Епархиальное Управление» «поддержало эту просьбу, мотивировав ее тем, что “означенная община находится в общении с

¹Воспоминания Андреевой Г.В., урожденной Поповой. – Архив Отдела Агиологии Брянской Епархии.

Священным Синодом Республики, зарегистрирована, как прогрессивная и состоит из самого бедного, пролетарского населения г. Севска, крайне нуждающегося в материальной поддержке»¹.

27 февраля 1925 года Севская Губфондовая комиссия передала Казанскую Площанскую икону обновленческому иерею храма во имя Святого Иоанна Предтечи Алексею Полуботко «во временное пользование без ограничения срока ... с условием, чтобы с ней не было хождений по городу Севску и поселениям уезда».² В Замарицкой части города, в Пушкарной и Стрелецкой слободах стали распространяться слухи о том, что «икона не подлинная, подменена советской властью и продана Полуботко за 300 рублей». В распространении этих слухов, а также в запрещении верующим ходить в Иоанно-Предтеченский храм, обвинили Православного священника Варлаама Попова.

В циркулярном письме обновленческого Епископа Брянского и Севского Петра (Виноградова)³ благочинному обновленческих приходов города Севск иерею Алексею Полуботко от 10 апреля 1925 года №54 в частности, предписывалось: «Напомнить всем, что по Брянской Епархии единственным органом управления состоит «Брянское Епархиальное Управление» во главе с Епископом Петром. Самозванные Епископы: Амвросий – выслан из пределов Брянской Епархии, Агапит – запрещен управлять Епархией»⁴. В тот же день обновленческое Брянское Епархиальное Управление издало Указ «Церковному совету и священнику Воздвиженской города Севска церкви», в котором говорилось: «Вследствие непризнания священником Воздвиженской города Севска церкви Варлаамом Поповым Синодаль-

¹ГАБО. Ф. Р-85. Оп. 2. Д. 80. Л. 141. – Цит. по: Коваленко З.П. Документы государственного архива Брянской области о Севском Площанском монастыре в первой четверти XX века // История Брянщины по документам ГАБО : материалы научно-практической конференции/ сост. Управление по делам архивов Брянской области; Государственный архив Брянской области. – Брянск, 2004. - С.60.

²Коваленко З.П. Указ. соч. С. 61.

³«Обновленческий» раскол сост. И.В. Соловьев. – М.: Общество любителей церковной истории; Издательство Крутицкого подворья, 2002. - С. 896

⁴ГАБО. Ф. 484. Оп.1. Д. 443. Копии протоколов общих собраний верующих. Л. 65об.

ной власти правящего Брянскою Епархией Епископа Петра, Епархиального органа Управления, его распоряжений, и открытой агитации против законной церковной власти, основанной на ложных и клеветнических сообщениях среди народных масс города, его предосудительного поведения, не соответствующего каноническим достоинствам пастыря, Брянское Епархиальное Управление постановило: отрешить священника Варлаама Попова от занимаемого им места при Воздвиженской города Севска церкви с запрещением священнослужения во всех приходах Брянской Епархии, о чем предлагается церковному совету сообщить местным городским властям к сведению»¹.

* * *

11-го апреля 1925 года отец Варлаам был арестован и заключен в Брянский Губисправдом, где содержался по II категории (как уголовный) и числился за 1 отделом Брянского ГО ОГПУ². На допросах он держался с достоинством и глубоким смирением, не признавал себя виновным в вымышленных обвинениях.

6-го июня община верующих Кресто-Воздвиженского храма обратилась к прокурору Брянского губернского суда с просьбой выдать им священника на поруки: «11 апреля с.г. уполномоченным Брянского ГПУ забран был священник нашей церкви о. Варлаам Попов, и в ту же ночь отправлен был в Брянск, где по настоящее время сидит в тюрьме. Вышеозначенная община верующих ничего в течение годичной службы его <в> Воздвиженской церкви ничего за ним не замечая. Как примерного священника, не зная его преступности пред гражданской властью, обращается к Вам за разъяснением и по выяснении дела, если св<ященник> Попов является правым, то просит о немедленном его освобождении. Если же он признан по допросам виновным, оставляем в тюрьме до суда, то община просит выдать его на поруки членам общины, которые принимают

¹Там же. Л. 64.

²Дело №39 1925 года по обвинению свящ. Попова Варлаама Петровича по 73 и 119 ст.ст. УК – ГАБО. Ф. Р-1780. Оп. 1, Д. 52. Л.14.

всю ответственность за его сохранность до суда, а также и его поведение»¹. Это обращение свидетельствует о том, как любили и почитали прихожане своего пастыря.

11 июня он был освобожден под подписку о невыезде, в которой говорилось: «Я, свящ^{енник} г. Севска Попов Варлаам Петрович, даю настоящую подписку <Брянскому>ГО ОГПУ в том, что обязуюсь без ведома последнего из пределов своего местожительства не выезжать и по первому требованию судебных властей являться куда будет мне указано. Проживать буду в г. Севске, ул. Некрасова, д. №24»².

11 ноября следствие по делу священника Варлаама возобновилось. 28 ноября он был вынужден дать Севскому уполномоченному подписку в том, что обязуется «явиться в Брянский ГубОтдел ОГПУ не позднее 1-го декабря 1925 года» и за исполнение этой подписки отвечает перед законом³.

1 декабря в Брянске отца Варлаама, как мешающего «своим проживанием на свободе дальнейшему ведению следствия», вновь арестовали и заключили в Брянскую тюрьму, но уже по I категории, как политического⁴.

3 декабря на квартире благочинного обновленческих приходов города Севск иерея Алексея Полуботко состоялось экстренное заседание обновленческого «Брянского Епархиального Управления» под председательством Епископа Тимофея (Успенского)⁵ на котором, в частности, постановили: «Пастырей, упорствующих в тихоновщине, не признающих Священного Синода, Епархиального Управления и Правящего Епископа, сеющих раздор и смуту церковную, таковых почислить за штат с отчислением от занимаемых ими мест на приходах теперь же, и в срочном порядке донести до сведения Священного Синода: Михаило-Архангельской города Севска церкви протоиерея Ни-

¹Там же. Л. 50.

²Там же. Л. 53.

³Там же. Л. 65.

⁴Там же. Л. 66.

⁵«Обновленческий» раскол сост. И.В. Соловьев. – М.: Общество любителей церковной истории; Издательство Крутицкого подворья, 2002. - С. 961-962.

колая Соколова, Воздвиженской церкви города Севска священника Варлаама Попова, Петро-Павловской города Севска церкви священника Сергия Александрова и Варваринской кладбищенской города Севска церкви священника Гавриила Михайлова»¹.

Отец Варлаам продолжал отрицать ложные обвинения и 24-го декабря помощник уполномоченного 1-го отделения Брянского Губотдела ОГПУ постановил освободить его «из-под стражи Брянского Губисправдома», «принимая во внимание, что распространение слухов именно со стороны Попова следствием не установлено, а также и то, что надобность содержания Попова Варлаама Петровича под стражей миновала»².

* * *

В 1930 году, после ареста настоятеля Успенского Собора города Севск священника Петра Кавказского и его Православной паствы из монашествующих и мирян, во главе борьбы с обновленчеством в городе Севск становится протоиерей Варлаам. До этого он являлся членом Благочиннического совета, а после 1932 года – благочинным Севского округа. Не взирая на опасность, отец Варлаам оказывал помощь возвращавшимся из заключения священникам. В его храме служил священник Павел Николаевич Колосовский, который три года провел в заключении и был выслан из Курской области. На клиросе Кресто-Воздвиженского храма пели два иеромонаха: отец Павел (Романенко), также проведенный пять лет на Соловках, и отец Иоасаф (Горнаго), два с половиной года отбывший на строительстве Беломорканала.

Жительница города Севск Параскева Ивановна Панченко так вспоминает об этом времени: «Я родилась в селе Юрасов Хутор в 1914 году. Родители с детства приучали нас, детей, к храму Божиему. Когда в середине 1920-х годов наш храм был закрыт, мы с мамой стали ходить молиться в Кресто-Воздвиженский храм в Севск, где служил батюшка отец Варла-

¹ГАБО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1045. Л.74-74 об.

²Там же. Л. 71.

ам. Батюшка был хороший, очень усердный. Службы совершались в храме часто. Но отец Варлаам был гоним властью. Придем на службу, а нам говорят: «Батюшку арестовали». Мы стоим во дворе храма, и плачем. Потом батюшку отпустят, и всем радостно»¹. Новикова Зоя Михайловна, также живущая в городе Севск, помнит следующее: «Моя мама, урожденная Покровская Харитина Иоакимовна, была верующим человеком. Ни одной службы в храме не пропускала, и нас детей старалась чаще водить в храм. Мы были прихожанами Кресто-Воздвиженского храма, где до 1937 года служил отец Варлаам. Я помню батюшку, его добрые глаза. Когда мы, дети, приходили на исповедь, какой внимательный был батюшка, но и строгий»².

Зимой к отцу Варлааму приходило на исповедь много школьников. Он каждому уделял внимание, неторопливо, минут по пятнадцать, беседовал.

Известно, что протоиерей Варлаам общался со старцем Глинской Пустыни игуменом Аристоклием, в схиме Антонием известным своей подвижнической жизнью и мудрыми наставлениями. Молитвенное общение отца Варлаама с таким духоносным старцем объясняет, почему и к нему тянулись люди, видевшие смысл земного бытия в стяжании благодати Божией.

В 1932 году протоиерей Варлаам был арестован по обвинению в хранении золотой валюты: с 14-го октября по 18-е ноября он находился в Брянском Домзаке и был освобожден.

Настал 1937 год, в котором многие Православные священники приняли мученическую кончину. Среди них был и протоиерей Варлаам Попов. 2 августа 1937 года он был арестован и первоначально содержался под стражей в Севске. Его обвиняли в антисоветской деятельности, но Священномученик мужественно не признал себя виновным.

22-го ноября 1937 года на внесудебном заседании особой тройки при Управлении НКВД по Орловской области отец Варлаам был приговорен к разстрелу с конфискацией лично при-

¹Воспоминания Панченко П.И. – Архив Отдела Агиологии Брянской Епархии.

²Воспоминания Новиковой З.М. – Архив Отдела Агиологии Брянской Епархии.

надлежащего имущества. 8-го декабря 1937 года, в день отдания праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы протоиерей Варлаам Попов принял мученическую кончину – был разстрелян в городе Брянск. 27 июля 1989 года он был реабилитирован Прокуратурой Брянской области.

Определением Священного Синода Русской Православной Церкви от 17 июля 2006 года протоиерей Варлаам Попов причислен к лику Святых – включен в Собор Новомучеников и исповедников Российских XX века.

Монахиня Сергия (Ежикова),
настоятельница Брянского
Петро-Павловского монастыря

Архиепископ Брянский Даниил (Троицкий, 1887 – 1934) **и его пастырско-педагогическое наследие**

Не страшны мне гонения, воздвигнутые на Церковь Христову, не страданий боюсь я, – я готов по капле отдать всю свою кровь за Христа моего, но только бы знать, только верить, что мои страдания принесут пользу Святой Церкви.

Архиепископ Брянский Даниил

Детские и юношеские годы (1887-1913)

Архиепископ Даниил (в миру Дмитрий Алексеевич Троицкий) родился 6 октября 1887 года¹ в селе Липицы Каширского уезда Тульской губернии в семье священника. В Благовещен-

¹Даты до 14 февраля 1918 г. – дня, с которого декретом СНК от 25 января 1918 г. вводился новый стиль, указываются по старому стилю. Даты после 14 февраля 1918 г. указываются по новому стилю, если нет указания на старый стиль.

ском храме этого села служил и дед будущего Архипастыря, священник Петр Троицкий, память которого особо чтится прихожанами. Когда он умирал, все жители села пришли проститься с ним и получить от него последнее благословение. Матушка священника Алексея Троицкого, Варвара Васильевна (урожденная Виноградова), утонула, и на его попечении остались пятеро детей: три сына и две дочери, Ольга и София. Два старших сына, Владимир¹ и Дмитрий, стали Епископами, младший Алексей – священником². После смерти Варвары Васильевны большое участие в воспитании сирот приняла ее незамужняя сестра Надежда, учительница церковно-приходской школы.

Большое влияние на Дмитрия оказывал его старший брат Владимир, будущий Священномученик Иларион. Будучи еще пятилетним отроком, он взял своего трехлетнего брата за руку и пошел вместе с ним из родной деревни в Москву учиться. И когда братишка от усталости заплакал, то Владимир сказал ему: “Ну и оставайся неученым”. Родители вовремя спохватились, заметив исчезновение детей, и быстро возвратили их под кров своего дома³.

В 1909 году Дмитрий окончил Тульскую Духовную Семинарию со званием действительного студента и поступил в Санкт-Петербургскую Духовную Академию, которую окончил в 1913 году со степенью кандидата Богословия. Его кандидатское сочинение на тему «Происхождение и состав русского иконописного подлинника» было удостоено почетных отзывов заслуженного ординарного профессора Н.В. Покровского и профес-

¹Священномученик Иларион (Троицкий Владимир Алексеевич, 13.09.1886–28.12.1929), Архиепископ Верейский.

²Троицкий Алексей Алексеевич, священник (24.03.1891–23.09.1937). 16.05.1918 рукоположен во священника к храму с. Липицы Каширского уезда Тульской губ. В 1924 г. арестован, вскоре освобожден. Продолжал служение в с. Липицы. 21.01.1930 арестован, приговорен к 5 г. ИТЛ. С 1935 г. служил священником с. Бехово Заокского р-на Московской обл., затем в с. Кузмищево Тарусского р-на Калужской обл. Арест. 28.08. 1937. Расстрелян в Бутово.

³Иоанн (Снычев), Митрополит. Житие Священномученика Илариона (Троицкого), Архиепископа Верейского. // Священномученик Иларион. Служба и житие. – М., Издательство Сретенского монастыря. 2001. С. 35.

сора–протоиерея А.П. Рождественского¹. Одновременно с обучением в Духовной Академии Дмитрий окончил курс Санкт-Петербургского археологического института². Его особенно интересовала церковная археология: история Богослужения, древняя архитектура и иконопись.

Преподаватель Холмской и Тульской Семинарий (1913-1917)

16 августа 1913 года Дмитрий Алексеевич был назначен преподавателем гомилетики, литургики и практического руководства для пастырей в Холмскую Духовную Семинарию³.

28 сентября 1913 года состоялось его пострижение в монашество, о чем так сообщалось в «Холмской Церковной жизни»: «...При чрезвычайном стечении Богомольцев, в Свято-Леонтиевском храме Холмской Духовной Семинарии было совершено пострижение в монашество преподавателя Семинарии Дмитрия Алексеевича Троицкого с наречением имени Даниила. Чин пострижения был совершен за всеобщим бдением, после великого славословия, Высокопреосвященнейшим Евлогием⁴, Архиепископом Холмским и Люблинским, при участии о. настоятеля Яблочинского монастыря, архимандрита Серафима <Остроумова – *сост.*>, о. ректора Семинарии, архимандрита Варлаама, о. заместника Яблочинского монастыря, иеромонаха Сергия, о. инспектора Семинарии, иеромонаха Смарагда, иеромонахов: о. Агапита и о. Пимена и иеродиакона Христофора. По окончании всеобщего бдения Высокопреосвященнейший Владыка, облачившись в мантию и выйдя на амвон, обратился к новопостриженному иноку с глубокопрочувствованным словом.

¹Христианское чтение. Ежемесячный журнал, издаваемый при Императорской Санкт-Петербургской Духовной Академии. 1914. №3. С. 39. Текст отзывов см.: Христианское чтение. 1914. №7-8. С. 471-474.

²Вестник археологии и истории, издаваемый Санкт-Петербургским археологическим институтом. 1914. Вып. XXII. С. 20-21.

³Формулярный список о службе преподавателя Тульской Духовной Семинарии иеромонаха Даниила (Троицкого). Составлен 31 августа 1917 года.

⁴Евлогий (Георгиевский; 10.04.1868 – 8.08.1946), Митрополит. С 1903 г. Епископ Люблинский, викарий Холмско-Варшавской Епархии, 1905 г. Епископ Холмский и Люблинский. С 1912 г. Архиепископ, с 1914 г. Архиепископ Вольнский и Житомирский.

Выразив радость и приветствовав его со вступлением и приобщением к Христовой дружине, Владыка затем остановился на том сложном и радостном мире новых переживаний, новых чувствований, которых ныне полна душа новопостриженного, – полна в настоящий день великой и светлой победы, когда мир и “яже в мире” остались далеко позади его. Обычно такое пострижение вызывает чувство сожаления в людском сердце, – продолжал Владыка, – что уходит от мира человек в самом расцвете сил, когда мир и прелести его так манят к себе, – но такая победа гораздо цельнее и ценнее, ибо на служение Богу стремится принести себя душа еще юная, неистрепанная, неиздерганная и необветшавшая в жизненной борьбе и треволнениях житейского моря. За этим светлым и радостным моментом новых переживаний опять заявит о себе обыденная жизнь с ее заботами и невзгодами, а часто и соблазнами: не забывай тогда, говорил Владыка, молитвы и труда. Дальнейшее служение твое будет протекать в духовной школе, в учебной семье; поделись с нею светлым и радостным чувством любви, которым ныне полно твое существо, и лаской, которая живет души и привлекает сердца, – дабы и ученики твои, по выходе из школы, несли в жизнь свет любви и добра, и согревали сердца той паствы, которая ныне особенно нуждается в идейных и добрых делателях. Затем Владыка указал, что самое имя новопостриженного, – имя, столь славное для Холмской Руси¹, приобщает и указывает ему служение именно в этой столь много пережившей Русской земле. Поручив новопостриженного молитвенному предстательству и покрову Холмской Заступницы² и Преподобного Онуфрия, к Святой обители которого причислен новопостриженный³, и благословив его сими Святыми иконами, Владыка в предшествии сонма духовенства проследовал в келью новопостриженного

¹Вероятно, имеется в виду Даниил Романович, князь и впоследствии король Галицкий (1201-1264).

²Имеется в виду Холмская икона Божией Матери, празднование 8/21 сентября.

³Яблочинский Онуфриевский монастырь в Бельском уезде Седелецкой губернии (ныне на территории Польши), основан в нач. XII в., являлся оплотом Православия на Холмщине среди католического и униатского окружения. В обители хранилась чудотворная икона прп. Онуфрия Великого XII в.

инока. Преподав ему здесь еще раз свое Архипастырское благословение на новую жизнь и посетив о. ректора, Владыка изволил отбыть из Семинарии»¹.

30 сентября, в день памяти Святителя Михаила, первого Митрополита Киевского, Архиепископ Евлогий в кафедральном соборе рукоположил монаха Даниила во иеродиакона², а 1 октября, в день празднования Покрова Пресвятой Богородицы – во иеромонаха³.

Вскоре благодаря усердию нового преподавателя литургики и гомилетики при Холмской Духовной Семинарии был основан Пастырско-проповеднический кружок. В «Холмской Церковной жизни» так описывается его открытие: «25-е число минувшего января <1914 года – *сост.*> в ряду трудовых учебных дней Холмской Дух<овной> Семинарии является днем незаурядным: под этим числом будущий историк Семинарии отметит новое и выдающееся в ее жизни событие – состоявшееся открытие Пастырско-проповеднического кружка при Семинарии.

<...> В Холмской Семинарии, правда, и раньше воспитанники проповедывали, кроме своей семинарской церкви, еще в Крестовой церкви и в Иоанно-Богословской, проповедовали уже несколько лет, но кружка, как объединяющего центра, не было, и лишь в текущем году, благодаря стараниям преподавателя гомилетики и литургики – о. иеромонаха Даниила идея создания Пастырско-проповеднического кружка стала фактом. Во главе кружка руководителем и председателем, как и надлежало, стал его основатель о. Даниил.

С благословения Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Евлогия, Архиепископа Холмского и Люблинского, открытие кружка назначено было на 25-е января после всенощного бдения. В 9 часов вечера, в верхнем семинарском храме, о. Ректором Семинарии архимандритом Варлаамом совершено было молебное пение Св. великим вселенским учителям и Святителям – Василию Великому, Григорию Богослову и

¹Холмская Церковная жизнь. 1913. №20. Часть неоф. С. 566-567.

²Там же. 1913. №20. С. 572.

³Там же. 1913. №21. С. 604.

Иоанну Златоусту – как небесным покровителям и несравненным наставникам, образцам церковного красноречия. О. Ректору сослужили: вр. и.о. инспектора Семинарии свящ. о. Василий Коротун, преподаватель гомилетики и литургики о. иеромонах Даниил и духовник Семинарии свящ. Виктор Иванов, при стройном и умирительном пении хора воспитанников V и VI кл<ассов>. Перед молебном о. Ректором было сказано глубоко-прочувствованное приветственное слово рождающемуся в жизнь юному благоначинанию – кружку. <...> Из церкви все во главе с о. Ректором отправились в один из подготовленных классов, где состоялся акт открытия кружка.

По исполнении всеми собравшимися песнопения – “Днесь благодать Всесвятаго Духа нас собра...”, о. председателем кружка – иеромонахом Даниилом была прочитана резолюция Его Высокопреосвященства, разрешающая открытие кружка и прочитан Устав его, после чего о. председатель взошел на кафедру и обратился к собравшимся – почетным посетителям и воспитанникам, членам кружка (хотя и было очень много из всех классов и не записавшихся в члены) с приветственной зажигающею, вдохновенною речью <...>.

Нужно было видеть, каким восторгом и внутренним духовным огнем горели взоры слушателей во время этой речи, и нельзя было слушать иначе. Чувствовалось, что доброе семя падает на добрую почву, и кружок принесет плод “во времена своя”...

После речи о. председателя, которая непрерывным, живительным и захватывающим потоком текла более получаса, на кафедру вошел и, с разрешения о. Ректора, обратился с благодарственным словом от лица товарищей-членов воспитанник VI кл<асса> Ф. Черный <...>.

После этого о. председатель объявил переход к очередным вопросам первого собрания кружка, каковое и состоялось в присутствии о. Ректора Семинарии».¹

¹Там же. 1914. №4. Часть неоф. С. 131-133.

В своей речи «Проповедь в пастырстве», произнесенной при открытии кружка, отец Даниил говорил: «<...> Может ли пастырь Церкви равнодушно смотреть, как его пасомые страдают и мучаются? Может ли он остаться безмолвным при виде этих алчущих и жаждущих правды? Чистое, живое, убежденное проповедническое слово должно утешить скорбящих, поддержать падающих, научить неведущих, наставить заблудших.

Други мои! Есть великая сила, сила возрождающая, это – сила истины христианской, это – сила чарующей проповеди о Христе Спасителе! Теперь как-то стараются поставить священника на положение обычного народного деятеля. Теперь слишком много говорят о том, что священник должен открывать богадельни, больницы, дома трудолюбия и думают, что тогда влияние духовенства в народе упрочится. Но помните: Христос Спаситель, Его Св. Апостолы, Св. Отцы и Учители Церкви перестроили жизнь, переродили людей не «кооперативными обществами», не «кредитными товариществами», а благодатным словом, проповедью Евангелия.

Бога люди жаждут, Живого Бога. Очистите совесть народную, скажите людям о Боге, о том, что Господь их любит, скажите им о том, что есть правда на земле – и поверьте, – ваше слово произведет больший переворот в жизни народной, чем все эти мирские затеи на Церковной почве. Вот почему так ценилось и ценится живое слово. «Горе мне, – говорит Апостол, – если я не благовествую» (1 Кор. IX, 16).

Словом расстраивается в настоящее время народная жизнь. В самом деле, не проповедь ли различных современных врагов христианства действует на массы? О, они отлично поняли, какое значение имеет слово для простого, искреннего, наивного русского человека! В настоящее время любой политический деятель скажет вам, что на красноречивых ораторах основывается благополучие различных партий. А сектанты? Чем они смущают православный русский народ? Да прежде всего своим умением говорить, своею проповедью. Такое огромное значение живого слова обязывает тех, кто хочет служить Церкви Христовой, кто хочет быть руководителем народа в религиозной облас-

ти, обратить свое особое внимание на развитие своих ораторских, проповеднических дарований. Проповедь будет приковывать внимание народа именно к религиозным истинам, будет заставлять пасомых интересоваться христианскими началами жизни.

Вместе с этим, так сказать, миссионерским значением, слово имеет и другое значение, – оно помогает священнику упорядочить жизнь своего прихода. Пороки и грехи паствы, несправедливости и обиды одних другим – все это требует пастырского внимания. Через проповедь улучшается и усовершенствуется жизнь прихода. Порок, обличаемый пастырем, уже теряет свое пагубное значение, почему и Апостол так настойчиво советует своему ученику Тимофею: «Проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, утешай со всяким долготерпением и назиданием» (2 Тим. IV, 2). И великие учителя – проповедники христианские смотрели на слово, как на средство исправлять жизнь христианскую. «Хотя я не имею железа, – говорит Св. Златоуст, – но имею слово, острейшее железа; хотя я не ношу огня, но есть у меня учение, пламеннейшее огня и могущее жечь сильнее»¹. Думаю я, что все эти мысли о нужде проповеднического слова, сознание важности и необходимости подготовиться к этому серьезному, трудному делу заставили вас отдать свои досуги нашему общему делу.

<...>Мало одного холодного знания для успешного выполнения проповеднического служения, как бы оно не было широко. Нужно не умом только, но и сердцем, и главным образом сердцем, воспринять спасительную истину Христову, нужно всецело проникнуться ею, – и тогда она, выходя из глубины пламенеющего духа, согретая огнем одушевления, будет в устах проповедника силою, побеждающею умы и сердца людей <...>².

Видя усердие отца Даниила, Архиепископ Евлогий поручал ему и другие послушания: с 16 сентября 1913 года по 20 марта 1914 он был классным воспитателем, 26 января 1914 года был утвержден в должности члена Холмского Епархиального

¹Слово против зрелищ. – *Прим. иером. Даниила.*

²Там же. 1914. №4. Часть неоф. С. 137-144.

Миссионерского Совета, с 8 ноября 1913 года по 16 марта 1914 – был допущен к исполнению обязанностей члена Холмской Духовной Консисории¹.

26 августа 1914 года иеромонах Даниил был переведен в родную Тульскую Духовную Семинарию на должность преподавателя по кафедре Священного Писания². Появляются его статьи в Тульских Епархиальных ведомостях. Две из них – библиографические заметки о книгах «Учебное руководство по Священному Писанию» свящ. Д.В. Рождественского³ и «Христианские праздники. Рождество Пресвятой Богородицы» под редакцией проф. М. Скабаллановича. В последней он приводит свои мысли о церковных напевах: «В настоящее время замечается какое-то пренебрежение к чисто церковным напевам. Бывают случаи, когда вместо одного гласа поют на другой, более легкий и известный, и это даже в напевах тропарей, чем портится впечатление от службы. Обычно регента наши целый ряд спевков по несколько часов отдают изучению совершенно светских напевов, разным Веделям, Сарти и прочим, имже несть числа, а священные напевы преподобного Иоанна Дамаскина, освященные Церковью, умиляющие и восторгающие истинно верующего человека, предоставляют петь левому хору, состоящему иногда всего из двух-трех певцов. Пропадает все впечатление от стихир, ирмосов, совершенно опускаются седальны, в состав которых вошли лучшие песнопения Церкви, как-то: “Благообразный Иосиф”, “Мироносицы жены”, “Запечатану гробу”, “Красоте девства”, “Удивися Иосиф” и др. Все это заменяется подчас браваурными, подчас пошло-слащавыми “песнями” современных композиторов. Как умели наши старые дьячки петь праздничные службы! До сих пор без слез умиления не могу вспоминать этих служб!»⁴

В статье «Новый предмет в Духовных Семинариях» иеромонах Даниил выражает свою пламенную любовь к исконно

¹Формулярный список...

²Церковные ведомости. 1914. №35. С. 415.

³Тульские Епархиальные ведомости, 1915. №17-18. Часть неоф. С. 264-266.

⁴Там же, 1917. №40. Часть неоф. С. 564-568.

русским традициям храмоздания и иконописания, и с горечью говорит о западном влиянии на нашу Церковную культуру. «Большую радость доставило всем, любящим Церковную красоту и благолепие, – пишет он, – известие о введении в круг семинарских наук “Церковной Археологии”. Отсутствие этого предмета не только приносило огромный пробел в семинарский курс, но имело и весьма дурные последствия в общей Церковной жизни. Отсутствие знаний по Церковной Археологии мешало нашему духовенству следить и быть руководителями при построении храмов, при приобретении икон, устройстве иконостасов и проч. Все это наносило огромный ущерб художественной стороне нашего Православного Богослужения. <...>

В настоящее время во всех кругах общества явилось стремление уяснить художественные идеалы древней Руси, изучить древнюю иконопись и архитектуру, дать русское национальное направление и современному Церковному искусству. <...>

Приветствуя введение нового предмета в Семинариях, мы надеемся, что знакомство с памятниками старины, знакомство с художественными идеалами древней Руси изменит отношение к художественным началам древне-русского искусства и не ограничится лишь семинарскими уроками. Хотелось бы верить, что и все наше духовенство не безразлично отнесется к такому живому делу. Пора уже порвать с робким подражанием западу даже в таком Святом деле, как построение храма Божия. Последствия такого труда должны быть велики.

Во-первых, если духовенство будет сознательно относиться к художественной части построения храмов, то вскоре появятся прекрасные русские храмы, украшенные иконостасами с строгими иконами, расписанные идейными, содержательными картинами из жизни Христа и Святых угодников.

Видя такие храмы и восхищаясь их красотой, и жертвователи с большей радостью будут давать средства на их украшение.

Во-вторых, уже существующие памятники Церковной старины, подчас драгоценной, в лице духовенства найдут предан-

ных хранителей и собирателей. Сколько погибло именно художественных икон только потому, что духовенство отнеслось небрежно к этому делу. Несколько годов назад в Новгороде одна благочестивая купчиха пожертвовала деньги, чтобы закрасить голубой краской прекрасные фрески XVI века, сильно потемневшие. Веселее и чище!

В-третьих, храмы, украшаемые старинными иконами, привлекают к себе и старообрядцев, среди которых очень много людей, преданных старым иконам, понимающих в них толк и с осуждением относящихся к тому, что мы украшаем свои храмы на западный манер, “яко и фрязи поганые”.

Дай, Господи, успеха доброму начинанию!»¹

8 сентября 1915 года иеромонах Даниил был награжден набедренником². С 4 января 1915 года по 15 мая 1917 он состоял членом комиссии по испытанию лиц, ищущих священного сана³.

В 1916 году была опубликована проповедь отца Даниила, произнесенная им в Тульском Покровском Подворье 27 марта того года на Акафисте Страстям Христовым.

Распни Его!

Так некогда кричали евреи, услышав предложение Пилата отпустить Иисуса Христа вместо разбойника Вараввы.

Когда мы видим пред собою Крест Христов, когда вспоминаем те великие события, которые произошли на Голгофе, то каким негодованием, каким осуждением к убийцам нашего Господа наполняются наши сердца! Может ли найтись такой человек, который бы не возмутился, не пришел в ужас пред тем страшным преступлением, которое совершил еврейский народ? Ведь Христос никому не делал зла, ведь еще так недавно огромные массы народа ходили за Ним, ведь еще так недавно ликующая толпа бросала ветви к пречистым стопам Его и вопияла: “Осанна Сыну Давидову”! И до сих пор эти жестокие люди кажутся нам такими безумными, такими бессмысленно-

¹Там же, 1916. №11-12. Часть неоф. С. 153-158.

²Формулярный список...

³Прерывается мысль. Так в источнике. Вероятно, дефект печати. – *Прим. сост.*

жестокими. Кому из нас не приходила в голову мысль: если бы мы... там были, мы не допустили бы совершиться этому страшному делу. Но, братие, был ли, действительно безумен,¹ “Христос Воскресе”! ибо “сия есть победа, победившая мир – вера наша” (I Иоан. 5,4). Аминь.²

В том же 1916 году, 6 мая «за заслуги по духовному ведомству и за особые труды по обстоятельствам военного времени» ко дню рождения Государя Императора Николая II иеромонах Даниил был награжден наперсным крестом³.

Настоятель Болховского Троицкого Оптина монастыря (1917-1921)

Господь призывал Своего избранника на новое служение. По ходатайству Священномученика Серафима (Остроумова), Епископа Орловского и Севского⁴, который знал иеромонаха Даниила еще по Яблочинскому монастырю и был с ним духовно близок, 28 сентября 1917 года он был назначен настоятелем Болховского Троицкого Оптина монастыря Орловской епархии с освобождением от учебно-духовной службы⁵.

После октябрьского большевистского переворота начались открытые гонения на Церковь. 28 января 1918 года после Богослужения иеромонах Даниил прочитал послание Святителя Тихона от 19 января⁶. В день Сретения Господня в Орле, по примеру Петрограда и Москвы, по благословению Епископа Серафима был совершен Крестный ход в знак протеста против антицерковных действий правительства. Иеромонах Даниил был одним из организаторов крестного хода, в котором участвовало

¹Там же. Л. 457.

²Тулские Епархиальные ведомости. 1916. №15-16. Часть неоф.

³Там же. 1916. №19-20. С. 217.

⁴Сщмч. Серафим (Остроумов Михаил Митрофанович; 6.11.1880–28.11.1937), Архиеп. С 1906 г. наместник Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря Холмской Епархии. С 2.02.1908 в сане архим. Благодичный монастырей Холмской Епархии. С 28.01.1914 ректор Холмской Духовной Семинарии. С 27.05.1917 в.у. Орловской Епархией. С 18.08.1917 Еп. Орловский и Севский; в июне 1922 осужден Орловским губ. ревтрибуналом на 7 лет лишения свободы, вскоре освобожден; с 29.05.1924 Архиеп. С 1.11.1927 Архиеп. Смоленский и Дорогобужский. В 1936 г. арестован. Разстрелян. Канонизирован в 2001 г.

⁵Церковные ведомости. 1917. №43-45. С. 403.

⁶Орловский вестник. 6(19).02.1918. №29.

более 20 тысяч Православных. На плацу бывшего кадетского корпуса Епископ Серафим отслужил молебен, после которого отец Даниил произнес слово, в котором призывал сохранять верность Святой Церкви несмотря ни на какие репрессии.

* * *

В Орле с 1905 года действовало Церковное историко-археологическое общество, и отец Даниил после перехода в Орловскую епархию становится его действительным членом, а также председателем Болховского Макарьевского отделения Общества. Общество вело как в Орле, так и в городах Орловской губернии Болхове, Ельце и Брянске большую просветительскую работу, организовывало выставки, вечера, чтения, издавало сборники, им проводились изучение и описание вещественных памятников, рукописных материалов, осуществлялись археологические раскопки, описывались архивы консистории и монастырей. В музее Общества хранились каменные кресты XVI века, сосуды, иконы, облачения, рукописи и книги XVI-XIX веков; одним из наиболее значительных экспонатов являлся клобук Патриарха Филарета. В конце 1918 года Орловский Архирейский дом, где проходили заседания Общества, и где располагались его музей и архив, был муниципализирован. Архив выбросили на улицу. Официальные собрания Общества больше не проводились. Но Болховское отделение Общества под председательством архимандрита, а позже Епископа Даниила, продолжало существовать до 3 ноября 1921 года – дня ареста Владыки, у которого при обыске была изъята печать Общества¹.

На собраниях Макарьевского отделения обсуждались вопросы благоустройства места погребения приснопамятного архимандрита Макария (Глухарева), создание археологической библиотеки, передача в общество на хранение Святынь и реликвий или их копий, обращение к земельным комитетам сохранить старинные предметы в национализированных имениях помещи-

¹Краюхин Д.А. Лицом к лицу... (Послереволюционная судьба Орловского Церковного Историко-Археологического Общества). // Реквием. Книга памяти жертв политических репрессий на Орловщине. Том четвертый. – Орел. 1998. С. 297-303.

ков, организация концертов духовной музыки в пользу общества.

* * *

Ко дню Святой Пасхи 1918 года иеромонах Даниил за отлично-усердное служение был возведен в сан архимандрита¹.

Отец Даниил вступил в должность настоятеля монастыря в смутное время. Сопровождавшие большевистский переворот безвластие и грабежи побудили его спрятать особо ценные предметы Церковной утвари. С августа 1918 по август 1919 года архимандрит Даниил выезжал из обители для несения епархиального послушания в Орле и в отпуск. По возвращении он полтора месяца скрывался на монастырском хуторе в связи с отступлением Красной Армии и угрозой обысков. В декабре 1918 года монастырское имущество было конфисковано властями и передано по договору религиозной общине при Болховском Троицком монастыре. Ответственный за передачу имущества иеромонах Ксенофонт утаил спрятанные ценности, а по возвращении настоятеля обвинил его в их краже. Архимандрит Даниил сообщил об этом Епископу Серафиму и начальнику милиции города Болхова. Началось дознание. Иеромонах Ксенофонт при обыске скрылся. Назначенная Орловским Епархиальным Советом следственная комиссия сделала заключение, что к пропаже вещей причастен только один иеромонах Ксенофонт.

Известно, что архимандрит Даниил общался со Священномучеником Игнатием (Садковским)²: 27 ноября 1920 года отец Даниил приезжал в город Белев Тульской губернии к Епископу Игнатию, который в свою очередь собирался в декабре быть у него на именинах³ и служить в монастыре.

¹Церковные ведомости. 1918. №17-18. С. 104.

²Священномученик Игнатий (Садковский Сергей Сергеевич; 21.10.1887–27.01.1938), Епископ. 5.04.1920 хирот. во Еп. Белевского, вик. Тульской Епархии; С 1922 г. в.у. Тульской Епархий; в том же году отстранен обновленцами от управления.

³Небесным покровителем Владыки Даниила был Святой Пророк Даниил. День тезоименитства Святытеля – 17/30 декабря.

Епископ Елецкий (1921)

Следствие продолжалось, и когда Господь призвал архимандрита Даниила на епископское служение, он должен был просить у следователя отпуск для поездки в Москву. 26 апреля 1921 года, в Великий Вторник, в Москве, на Троицком Патриаршем подворье состоялось наречение архимандрита Даниила во Епископа Елецкого, викария Орловской епархии. В речи при наречении будущий Святитель сказал: «...<Мне> ли напоминать, мне ли говорить о том тернистом пути, на который зовет меня Господь. Только люди далекие от Церкви и жизни церковной могут не понимать и не знать о тяжести креста, который возлагается на плечи вместе с архиерейским омофором. С надеждой на помощь Божию склоняю свою выю под ярем святого омофора. С этой любовью к моему Спасителю, с этой надеждой на Его Божественную помощь не страшны все трудности архиерейского служения. Пусть в настоящее время жизнь Епископа полна страданий, гонений, унижений, но ведь не свой позор, а Его позор несем мы в наши дни. Страдать за Любимого, какое это счастье, какая это радость. Одного боюсь я, <одно> устрашает меня в моей будущей деятельности, – я боюсь, что своим служением не принесу пользы Святой Христовой Церкви. Тяжелое время переживает Церковь. Со дна русской жизни поднялась вся грязь, вся муть житейская, и яростно набрасывается на корабль Церкви Христовой, желая, если не потоптать ее, то загрязнить, забросать грязью чистую Невесту Христову. А сколько нужно мудрости, сколько такта, сколько опытности, чтобы вести корабль Христов. Как во время бури должен быть тверд и опытен рулевой. Малое дрожание руки, незначительное отклонение в сторону может погубить все дело. Вот чего я боюсь, Святители Божии. Не страшны мне гонения, воздвигнутые на Церковь Христову, не страданий боюсь <я>, – я готов по капле отдать всю свою кровь за Христа моего, но только бы знать, только верить, что мои страдания принесут пользу Святой Церкви. Святители Божии, помолитесь о мне грешном, помолитесь, чтобы Господь возгревал в моей немощной душе огонь

любви Его, поддержите, научите меня ходить по тому тернистому пути, по которому Вы сами идете...

Спаситель мой! к Тебе простираю мои немощные руки, к Тебе взываю из глубины сердца моего: не отврати Лица Твоего от отрока Твоего, буди, Господи, милость Твоя на нас, якоже уповахом на Тя!..»¹

30 апреля, в Великую Субботу, архимандрит Даниил был хиротонисан во Епископа Елецкого.

Православные жители города Ельца были очень рады, что в их город назначен известный своим благочестием Владыка Даниил и с усердием ждали его, но он должен был вернуться в Болхов, так как следствие продолжалось.

Епископ Болховский (1921 – 1927)

К 14 сентября 1921 года Владыка Даниил упоминается уже как Епископ Болховский, викарий Орловской епархии². Он по-прежнему жил в Болховском Троицком монастыре.

2 ноября 1921 года Епископ Даниил был арестован и заключен в Болховскую тюрьму. На допросах он неизменно отрицал обвинения в контрреволюционной и антисоветской деятельности.

7 декабря Епископа Даниила перевели в Орловскую центральную изоляционную тюрьму (ЦИТ), где содержали по I-й категории без права передачи и свиданий. Несмотря на его просьбы, ему не разрешали ходить в Храм. Близкие Владыки: брат, Священномученик Иларион и сестра Ольга Алексеевна ходатайствовали об облегчении его участи. 8 апреля 1922 года он был освобожден под подписку о невыезде из пределов Болховского и Мценского уездов.

В связи с арестом Епископа Серафима на собрании духовенства Орловской епархии было принято решение просить

¹В архиве М.Е. Губонина хранилось слово Святителю Тихону при вручении архиерейского жезла новохиротонисанному Епископу Елецкому Даниилу [Троицкому]. К сожалению, до нас дошло только упоминание об этом слове. (Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей Церковной власти, 1917-1943: Сб. в 2-х частях /Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 174).

²За Христа пострадавшие. Книга первая.– М., 1997. С. 363-364.

Епископа Даниила принять временное управление Орловской епархией. Не зная еще о незаконности образованного в Москве 29 мая 1922 года ВЦУ, Архипастырь поручает представителям духовенства испросить у ВЦУ благословения на временное управление епархией. Это дало повод обновленцам первоначально считать Владыку Даниила своим сторонником¹.

Убедившись в неканоничности ВЦУ, Епископ Даниил, на основании послания Святителя Агафангела от 18 июня, перешел на автокефальное управление епархией и повел непримиримую борьбу с обновленчеством. В сводке 6-го Отделения Секретного отдела ГПУ от 14 сентября 1922 года, составленной по материалам, полученным с 15 июля по 20 августа, говорилось о борьбе в Орловской Епархии между двумя группами духовенства: обновленческой, возглавляемой протоиереем Крыловым, и «реакционной», руководимой Епископом Даниилом². В следственном деле сохранились обращения к Владыке Даниилу Православных общин города Болхова, которые не признают обновленческую «Живую Церковь» и просят его по-прежнему считать их своей паствой. Труды Преосвященного Даниила по утверждению Православия и после его принудительного удаления из Епархии принесли плоды. В пяти уездах губернии под руководством викарных Епископов были организованы уездные обновленческие Епархиальные Советы. В Болховском уезде из-за сопротивления большинства верующих такой совет создан не был³.

28 октября 1922 года Владыка Даниил был вновь арестован и заключен в Орловскую тюрьму. Его обвиняли в антисоветской агитации, поддержке черносотенного духовенства и противодействии «обновленческому» движению. 27 декабря 1922 года Комиссией по административным высылкам НКВД СССР Епи-

¹Митр. Мануил (Лемешевский) пишет: «В обновленческом журнале «Сибирская Церковь» за 1922 г., №2, стр. 16 помещена памятка живоцерковников, в которой они пытались считать Архиепископа Даниила сторонником обновленческого течения, но данные не подтвердились. Он остался верен Православию». – Русские Православные иерархи периода с 1893 по 1965 гг. (включительно). Erlangen, 1979-1989. Т. 3. С. 22-23.

²Архивы Кремля. В 2-х кн. / Кн. 2. Политбюро и Церковь. 1922-1922 гг. – Новосибирск – М., «Сибирский хронограф». «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. С. 311, 316, 317.

³ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 583. Л. 93,116, 247.

скоп Даниил был приговорен к высылке в город Хиву на два года.

Во время пребывания в ссылке в Средней Азии Владыка Даниил участвовал в архиерейской хиротонии Священноисповедника Архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого)¹.

В апреле 1926 года Епископ Даниил в числе двадцати пяти архипастырей подписал письмо Заместителю Патриаршего Местоблюстителя Митрополиту Нижегородскому Сергию (Страгородскому), в котором осуждалась раскольническая деятельность «григорианцев» (ВВЦС) и поддерживались канонические меры прещения, предпринятые против них со стороны Митрополита Сергия².

В апреле 1926 года Епископ Даниил был заключен в Московскую Бутырскую тюрьму. В сентябре того же года – осужден и выслан в город Кинешму Костромской губернии³.

В 1928 году Архипастыря освободили из Кинешемской ссылки с запрещением проживать в шести главных городах СССР. В этом же году он был назначен Епископом Рославльским, викарием Смоленской епархии. В это время на Смоленской кафедре был его духовный наставник, Священномученик Архиепископ Серафим (Остроумов). В связи с закрытием в Рославле кафедрального собора и почислением на покой Орловского Епископа Николая (Могилевского)⁴, Владыку Даниила назначают управляющим Орловской епархией.

¹Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). «Я полюбил страдание...» Автобиография. – М.: «Русский Хронограф», 1995. С. 36-38.

²Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей Церковной власти, 1917-1943: Сб. в 2-х частях /Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 449-450.

³За Христа пострадавшие. Книга первая. – М., 1997. С. 363-364. В «Списке заточенных и сосланных Епископов в СССР» (газета «Сегодня», г. Рига, 24 июля 1927 г., №162, с. 2) местом ссылки Епископа Даниила указан город Кинешма.

В каталоге Митр. Мануила есть упоминание, что в 1927 году Владыка Даниил был назначен Епископом Шадринским, викарием Свердловской Епархии. На этой кафедре он состоял номинально и в Шадрине никогда не был. (Мануил (Лемешевский В.В.), Митр. Русские Православные иерархи периода с 1893 по 1965 гг. (включительно). Erlangen, 1979-1989. Т. 3. С. 22-23.

⁴Священноисповедник Николай (Могилевский Феодосий Никифорович, 1874-25.10.1955), Митрополит. С 29.09.1927 – Еп. Орловский; С апреля 1930 г. на покое.

Епископ Орловский (1930-1931)

В марте 1930 года Владыка Даниил возвратился в Орел. Служил Архипастырь по преимуществу в Благословенной церкви города Орла, штат которой состоял из монашествующей братии. К нему приезжали крестьяне не только из окружающих деревень, но и из отдаленных районов, бывало 30-40 человек в день. Он призывал их к молитве, терпению и защите Православной веры. Вдохновенные проповеди Святителя находили отклик в душах верующих.

На Брянской кафедре (1931-1934)

12 мая 1931 года Преосвященный Даниил назначается Епископом Брянским. 3 января 1934 года, ко дню Рождества Христова, «в воздаяние усердного служения Церкви Божией» он был возведен в сан Архиепископа¹.

Владыка служил в храме в честь иконы Божией Матери «Тихвинская» и жил около него в доме монахини Поликсении, насельницы закрытого к тому времени Петро-Павловского монастыря города Брянск.

При Архиепископе Данииле произошло перезахоронение мощей Преподобного благоверного князя Олега Брянского. Мощи покоились под спудом в Петро-Павловском монастыре. По благословению Владыки Даниила, во избежание поругания от безбожных властей, они были перезахоронены в подклете под Алтарем Введенского храма обители. Принимавшие участие в перезахоронении дали обещание не рассказывать никому о происшедшем, и лишь в 1995 году староста Введенского храма, которая в 1930-е годы была юной прихожанкой, открыла местонахождение Святых мощей, и они были вновь обретенны.

Архипастырь тяжело болел. Утром в день кончины он сообщил близким: «Ко мне приходили юноши и сказали: придем еще раз, будь готов». Его соборовали и причастили Святых Таин. В 4 часа <дня> Владыка попросил дать ему в руку зажжен-

¹ЖМП. 1934. №20-21. С. 8.

ную свечу и сказал: «За мной пришли». С этими словами он тихо отошел ко Господу. Это было 17 марта 1934 года¹.

Архиепископ Даниил был погребен на небольшом кладбище в Володарском районе Брянска. Кладбище это в 1950-х годах было ликвидировано, на его месте устроили двор жилого дома. Могилы были осквернены и разграблены. Перезахоронить останки Святителя никто в то время не решился.

26 ноября 2002 года Архиепископ Даниил был реабилитирован Прокуратурой Орловской области по делу 1922 года.

Значение подвига Архипастыря

Архиепископ Даниил, будучи воспитан в благочестивой семье, с детства явил любовь к Спасителю, Святой Церкви и храмовому Богослужению. Эта любовь была деятельной. Окончив Духовную Семинарию, он стал вдохновенным преподавателем и проповедником. Будущий Архипастырь учил, что для пастыря важно уметь воспринять истину не умом только, но главное – сердцем и передать это горение духа пасомым. Особое внимание он уделял древним церковным традициям, преподаванию Церковной археологии, собиранию церковно-исторических ценностей. Свое учение Владыка подтверждал жизнью. При наречении во Епископа, которое происходило в условиях гонений, он исповедал радость в неизбежных страданиях за Любимого Господа и опасение только одного: не принести пользы Святой Церкви. И сохранил верность Богу в заключениях и ссылках. Владыка Даниил непримиримо боролся с обновленчеством, вместе с другими Архипастырями осудил григорианский раскол. Он оказывал лояльность власти в гражданских вопросах и проявлял гражданское неповиновение тогда, когда необходимо было защищать от Православную Церковь. Замечателен круг его обще-

¹Дата и обстоятельства кончины записаны со слов протоиерея Александра Козлова, почетного настоятеля Свято-Троицкого храма пос. Бежичи г. Брянск. Ему рассказала об этом монахиня Поликсения, которая ухаживала за Владыкой Даниилом. По другому варианту воспоминаний, за четыре дня до своей блаженной кончины он видел во сне двух юношей, которые сказали, что скоро придут снова и заберут его с собой. После соборования и причащения Святых Таин, со словами: «Зажигайте свечи, они возвращаются», он тихо скончался. В архиве ЗАГСа Брянской области документы этого периода не сохранились (извещение об отсутствии записи акта гражданского состояния №29 от 17.01.2003).

ния: брат Священномученика Илариона, Архиепископа Верейского, он духовно окормлялся у Священномученика. Серафима (Остроумова), Архиепископа Смоленского и Дорогобужского, дружил со Священномучеником Игнатием (Садковским), Епископом Скопинским, участвовал в хиротонии Священноисповедника Луки (Войно-Ясенецкого), Архиепископа Симферопольского и Крымского, общался со Священноисповедником Николаем (Могилевским), Митрополитом Алма-Атинским. Владыка ревностно трудился на Елецкой, Болховской и Мценской, Орловской, Рославльской и Брянской кафедрах. Венцом его Богоугодной жизни стала блаженная кончина.

Источники и литература:

Именной список ректорам и инспекторам Духовных Академий и Семинарий, преподавателям Духовных Академий и монашествующим преподавателям Духовных Семинарий на 1917 г. Пг., 1917. С. 27, 150.

Церковные Ведомости. 1914. № 35. С. 415. 1917. № 43-45. С. 403. 1918. № 17/18. С. 104.

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей Церковной власти, 1917-1943: Сб. в 2-х частях /Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 128, 174, 450, 970.

Мануил (Лемешевский В.В.), Митр. Русские Православные иерархи периода с 1893 по 1965 гг. (включительно). Erlangen, 1979-1989. Т. 3. С. 22-23.

Польский М., протопресв. Новые мученики Российские. М., 1994. Репр. воспр. изд. 1949-1957гг. (Джорданвилль). Ч. 2. С. 116, 127.

Реквием. Книга памяти жертв политических репрессий на Орловщине. Т. 2. Орел, 1995. С. 12. Т. 3. Орел, 1996. С. 32, 67. Т. 4. Орел, 1998. С. 299-303.

Как Болховское политбюро нового Распутина изобличало. Публ. И. Осиповой. // Мемориал аспект. 1995. Август. № 15. С. 8.

За Христа пострадавшие. Книга первая.– М., 1997. С. 363-364.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 4. – Тверь: «Булат». 2000. С. 379.

Список Православных Епископов, подвергавшихся гонениям до 1 марта 1930 г. – ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л.Л. 79, 119 об.

База данных ПСТГУ.

Благодарим за помощь в предоставлении материалов Н.А. Кривошееву и И.И. Ковалеву.

О.Н. Горелая,
*старший научный сотрудник
Брянского государственного
объединенного краеведческого музея*

**Из писем репрессированного... (на материале фонда
купца Ф.Р. Иванова, хранящегося в ГУК
«Брянский государственный объединенный
краеведческий музей»)**

В коллекции документов Брянского государственного объединенного краеведческого музея есть фонд семьи жителя г. Брянска, купца Федора Романовича Иванова. Это фотографии, сделанные до революции и в первые годы советской власти, и несколько документов. Попавшие к нам экспонаты представляют собой фонд личного происхождения, так как это документы, появившиеся в процессе жизни и деятельности отдельной семьи. 34 предмета (БОМ 12879-12912) охватывают период с 1910 по 1956 г.

Внутри фонда было выделено несколько групп экспонатов: фотографии самого купца Ф.Р. Иванова, его жены Елены Васильевны и сыновей Федора, Афанасия и Василия, дочери Олимпиады; фотографии и документы дочери Иванова Анны Федоровны и ее мужа Михаила Васильевича Ходушина; фотографии Екатерины Федоровны Бабкиной (Ивановой) и ее семьи – мужа, Бабкина Михаила Алексеевича, и детей, Александра и Екатерины. Также представлены фотографии Марии Федоровны Порошиной (Ивановой), ее мужа, Александра Степановича Порошина, и детей – Ксении и Евгения.

Самой интересной в свете темы конференции представляется история Анны Федоровны и ее мужа. Неизвестно точно, когда они познакомились, но в 1911 г. Михаил Васильевич подарил Анне Федоровне, Нюрочке, как называл он ее впоследствии, свою фотографию, на которой снят в форме учащегося Брянского технического училища. Сзади на фотографии надпись: «Где много чувств/ – там слов/не надо Мишка/1911 год». До этого года они живут в Брянске, Михаил Васильевич работает репетитором. В 1911 г. он уезжает в Москву, где и проживает до 1915 г. Анна Федоровна в годы I-й Мировой войны была сестрой милосердия. 29 сентября 1915 г. Михаил Васильевич поступает работать токарем на Брянский завод в Бежице. Через полгода он уходит по собственному желанию и устраивается уже заведующим гранатной мастерской на специальном заводе двигателей и тракторов Я.В. Мамина в Балакове. В 1917 г. они уже окончательно переезжают в Москву, где Михаил Васильевич служит техником на предприятии «Москвамет», Главметалл ВСНХ в течение двух лет, затем становится заведующим Бюро одной из секций Главметалла. К этому времени он заканчивает (в 1920 г.) Московское Высшее Техническое училище, что, видимо, способствует продвижению по карьерной лестнице. О личности Михаила Васильевича много говорит тот факт, что с того же 1920-го г. он уже работает преподавателем в училище, и это характеризует его как человека целеустремленного, серьезного, прекрасного специалиста. В 1925 г. Ходушин вступает в Профсоюз металлистов и становится заведующим Коммерче-

ской Частью и заместителем Управляющего заводом «Радио». Эти данные можно почерпнуть из Трудового списка Михаила Васильевича, где имеются записи о его работе на Брянском заводе в Бежице и общие сведения, в том числе дата рождения (6 ноября 1891 г.), национальность (русский), социальное положение (служащий) и т.д. Продолжение карьеры прослежено по Послужному списку с записями работы с 1908 г. К сожалению, и Трудовой, и Послужной списки не окончены, но, вероятно, Михаил Васильевич до своего ареста работал в Высшем Техническом училище. Арестован он был в 1937 г.

После ареста Ходушин попал в тюрьму Управления НКВД в Ярославле, а Анна Федоровна осталась жить в Москве вместе с тетей своего мужа Александрой Ходушиной и дочерью Еленой, Елочкой, которая в это время заканчивала школу. К нам попали 4 письма Михаила Васильевича из Ярославля, три из них адресованы жене и одно тете. Эти письма как нельзя лучше характеризуют и самого автора и тех, кому они адресованы. Здесь и просьбы человека, которому, возможно, при аресте не дали собраться: «Привези мне, пожалуйста... две рубашки верхние, одну нижнюю, джемпер, синий костюм в елочку, три полотенца...». Многие просьбы говорят о том, что человек привык к определенному уровню жизни и удобствам. Но гораздо важнее самочувствие родных, их благополучие: «Я очень рад, что у Вас все идет благополучно, я уже начал беспокоиться о Вас», «Крепко тебя и Елочку целую. Письмо твое получил, очень благодарен за весточку», «Я живу, конечно, мыслю о Вас. Пиши, пожалуйста. Большая радость получить от Вас письмо. Крепко целую тебя, Елочку и тетю Сашу. Твой Миша».

Михаил Васильевич, даже будучи в тюрьме, вникал во все мелочи жизни любимых им людей. И из самого порядка его вопросов видно, что он считает самым важным, первостепенным: «Передай Елочке, чтобы эти последние классы она старалась получать лучшие отметки, так как они явятся решающими для поступления в высшую школу».

Последнее из имеющихся у нас писем от 19 сентября 1937 г. И все вопросы – о жизни жены и дочери. Советы, как им луч-

ше устроиться, к кому обратиться за помощью: «Напишите так хотя бы раз-два в месяц как Вы живете? Получили ли Вы деньги от завода... Устроилась ли ты на службу. Как Елочка приняла мой совет учиться эти два года хорошо?» Письма Михаила Васильевича охватывают период всего в один месяц, 19 августа – 19 сентября 1937 г., но даже по ним видно, как меняется настроение человека, как он постепенно теряет надежду. В последнем письме он уже почти не говорит о себе, почерк стал менее разборчивым. Ни в одном письме нет жалоб, их и не могло быть – вся переписка проходила цензуру, но чувствуется, как уходят силы, видимо, ухудшается здоровье.

В том же 1937 г. М.В. Ходушина расстреляли. А в 1938 была арестована и Анна Федоровна. С марта 1938 г. по конец ноября 1939 г. она находилась в Карагандинском Исправительно-трудовом лагере НКВД. Была освобождена в связи с прекращением дела, как свидетельствует справка, выданная в 1959 г. Управлением Карагандинского Исправительно-трудового лагеря. После освобождения она вернулась в Москву.

Для нас этот фонд особенно ценен потому, что рассказывает о судьбе конкретных людей, брянских жителей, на протяжении почти полувека.

Источники

1. Письмо М.В. Ходушина А. Ходушиной от 19 августа 1937 г. Фонды ГУК БГОКМ. БОМ-12899.
2. Письмо М.В. Ходушина А.Ф. Ходушиной от 29 августа 1937 г. Фонды ГУК БГОКМ. БОМ-12900.
3. Письмо М.В. Ходушина А.Ф. Ходушиной от 6 сентября 1937 г. Фонды ГУК БГОКМ. БОМ-12901.
4. Письмо М.В. Ходушина А.Ф. Ходушиной от 19 сентября 1937 г. Фонды ГУК БГОКМ. БОМ-12902.
5. Послужной список М.В. Ходушина. Фонды ГУК БГОКМ. БОМ-12897.
6. Трудовой список М.В. Ходушина. Фонды ГУК БГОКМ. БОМ-12896.

С.В. Мурашкина,
*заведующая сектором
Брянской областной научной
универсальной библиотеки
им. Ф.И. Тютчева*

«...И у книг есть судьбы»

В фонде редких и ценных изданий Брянской областной научной универсальной библиотеки им. Ф.И. Тютчева хранятся книги с необычайной судьбой: увидев свет, каждая из них через какое-то время покидала его на долгие годы, находя себе место в глухих подвалах спецхрана.

До 1987-1988 годов богатства спецхрана были фантастичны. Это и книги, и журналы, и газеты. Среди них, например, издания, составляющие целые пласты истории и культуры, и они лишались права на жизнь. Идеологические цензоры направляли в заточение труды Бердяева, Мартова, Плеханова, Милюкова, Керенского, Троцкого, Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Радека, Луначарского, Крупской... Не пощадили и Ленина. Все пять изданий его книги «О Троцком и троцкизме» оказались в спецхране.

Самые массовые аресты книг осуществлялись по строго засекреченным спискам. В списках определялась судьба целых направлений в литературе, истории, философии, политике. Кто же занимался «арестом» этих книг? Ещё в 1922 г. при наркомпросе было создано главное управление по делам литературы и издательств – Главлит. Аббревиатура эта в разные годы расшифровывалась по-разному: до 1935 г. – как Главное управление по делам литературы и издательств при наркомпросе. Затем ранг начальника Главлита был повышен: он стал уже напрямую подчиняться председателю Совнаркома (впоследствии – Совета министров, на самом же деле – секретарю ЦК по идеологии), а сохранившееся название учреждения стало расшифровываться как Главное управление по охране государственных (в 30-40-е годы добавлялось “и военных”) тайн в печати (последнее его

название). Именно это управление и составляло засекреченные списки, и издавало приказы об изъятии.

Каковы же причины «ареста» книг, чем они провинились перед всемогущим советским государством, наказавшим их десятками лет забвения?

Одна из причин – в глазах идеологического аппарата и цензуры тот или иной автор (или персонаж произведения) становился жертвой. К этому числу относились следующие категории авторов:

- подвергшиеся политическим репрессиям;
- высланные (например, А.И. Солженицын в 1973 г.);
- эмигрировавшие (вынужденная эмиграция десятков писателей в 60-80-е гг.);
- ставшие невозвращенцами (А. Кузнецов в 1970 г. и др.);
- оставленные под подозрением, ставшие жертвами очередной идеологической кампании (например, А. Ахматова и М. Зощенко после выхода постановления ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград» в августе 1946 г.).

Другая причина запрета:

- книга снабжена предисловием, послесловием, вступительной статьей или примечаниями лица, относящегося к перечисленным выше категориям; многие книги писателей погибли именно по этой причине, поскольку сопровождалась статьями «бывших вождей» и репрессированных литературных критиков;
- в произведении выводится в качестве персонажа или просто упоминается реальное лицо, также относящееся к «нежелательным персонам».

А ведь подавляющая часть изданий, вошедших в главлитовские списки, вовсе не содержала какого-либо политического или идеологического «криминала». Ничего «антисоветского» или «контрреволюционного» в запрещенных книгах не было. И, тем не менее, книга отправлялась в вечную ссылку без права обжалования.

Последний главлитовский список вышел 27 декабря 1988 года; затем книги постепенно стали высвобождаться из спецхранного

пленения. В ноябре 1991 г. Главлит был ликвидирован, цензура отменена, спецхраны расформированы.

Книги, помеченные специальным грифом – «Возвращено из спецфонда», хранятся в отдельной коллекции областной библиотеки. Количество их не столь огромно (415 экз.), как в крупнейших библиотеках страны, но все они дают точное отражение событий тех страшных лет, когда: вчера еще любимцы народа, сегодня – уже враги. Это книги 20-30-х годов: мемуары, серьезные исторические труды, книги старых большевиков. (Ярославский Е. «Против оппозиции» (1928 г.), «Ленин о Троцком и троцкизме» (1925 г.), «Ленский расстрел 1912 г.» (1923 г.), Бухарин Н.И. «Гете и его историческое значение» (1932 г.) и другие). Взяв эти книги в руки, полистав их пожелтевшие страницы, ощущаешь дыхание истории.

Большая часть этой коллекции - художественные произведения (хотя они составляют в общей сложности примерно 7-8 % всех истребленных книг, а большая доля запретов приходилась на произведения общественно-политического характера). Но в эти “всего лишь” 7-8 % вошло свыше 7 000 названий книг, причем таких, которые, как правило, действительно вызвали читательский интерес (именно ими и комплектовалась библиотека), а не “изучались”, большей частью по принуждению, в директивном порядке.

Ведь литератор – одна из самых истребленных профессий. И, действительно, нам известны имена как погибших писателей, так и выживших в заключении. А многие вынуждены были эмигрировать. Это и Виктор Некрасов, и Василий Аксенов, и Анатолий Кузнецов, и Александр Галич, и Александр Солженицын... Главлитом произведения этих писателей были полностью изъяты из фондов библиотек.

В приказе №31 от 13.08.76 перечислены все произведения Некрасова, в том числе знаменитая повесть «В окопах Сталинграда», написанная в 1946 году и удостоенная Сталинской премии, с особой пометкой: «Все издания на всех языках».

А в распоряжении Главлита об изъятии произведений А. Солженицына, его имя, в отличие от других авторов, сопровождает-

ся пометкой «Книги и другие публикации» (публикации в газетах и журналах). Отдельное издание рассказа «Один день Ивана Денисовича» изымалось не только на русском языке, но и переводные издания и даже издания для слепых. Номера журнала «Новый мир», в которых напечатаны произведения писателя, должны были быть изъяты и уничтожены: 1963 г., №1 – «Случай на станции Кречетовка», «Матренин двор»; 1963 г., №7 – «Для пользы дела»; 1966 г., №1 – «Захар-Калита».

Распоряжением Главлита (по согласованию с ЦК КПСС) 22.10.74 были изъяты все произведения Александра Галича. В 1971 году А.А. Галич был исключен из всех творческих союзов, а в 1974 году под давлением властей эмигрировал.

Интересна судьба «13-й повести о Лермонтове» П.А. Павленко. Основанием изъятия явилось, во-первых, изображенные в повести сцены насилия и жестокости в эпоху Кавказских войн, во-вторых, отмеченное критикой того времени обилие «натуралистических деталей», слишком «откровенные» разговоры гусаров о дамах. И это могло послужить причиной изъятия.

Многие издания несут в себе очень важную, с точки зрения исторической, информацию, дающую возможность нам сегодня заглянуть в то непонятное здравому уму время.

Политика тотального «библиоцида», неуклонно проводившаяся с 1917 г. в течение трех четвертей века, привела к невиданному в истории опустошению книжных запасов и, как следствие, существенному снижению интеллектуального и духовного потенциала страны. Запрет тех или иных произведений порождал постепенно эффект цепной реакции, или снежного кома. Последствия массового истребления книг чувствуются до сих пор и, возможно, будут сказываться еще долгое время. Замечательно сказал об этом Иосиф Бродский в предисловии к «Избранной прозе» Марины Цветаевой, вышедшей на русском языке в Нью-Йорке в 1979 г.: «Теоретически достоинство нации, уничтоженной политически, не может быть сильно унижено замалчиванием ее культурного наследия. Но Россия, в отличие от других народов, счастливым существованием законодательной традиции, выборных институтов и т.п., в состоянии осознать се-

бя только через литературу, и замедление литературного процесса посредством упразднения или приравнивания к несуществующим трудам даже второстепенного автора равносильно генетическому преступлению перед будущим нации».

Содержание

Брянцев М.В. Карательная деятельность местных органов ВЧК 1917-1921 гг.....	3
Крашенинников В.В. К истории политических репрессий на Брянщине в 1937-1939 гг.....	17
Чубур А.А. Археология брянской земли и политические репрессии коммунистического режима	47
Иеромонах Диомид (Кузьмин). Жизненный путь Священномученика иерея Стефана (Грачева, 1886-1938)	65
Иерей Георгий Балин. Стояние в вере. Священномученик Протоиерей Варлаам (Попов, 1880-1937)	72
Монахиня Сергия (Ежикова). Архиепископ Брянский Даниил (Троицкий, 1887-1934) и его пастырско-педагогическое наследие.....	86
Горелая О.Н. Из писем репрессированного (на материале фонда купца Ф. Р. Иванова, хранящегося в ГУК «Брянский государственный объединенный краеведческий музей».....	107
Мурашкина С. В. «...И у книг есть судьбы».....	111